

Түве Янссон

Мендәрбе һаныб Мүмү-җиролла

Annotation

Может быть, вам, юные читатели, и не верится, что все папы когда — то были маленькими... Но почитайте мемуары папы Муми — тролля, и вы убедитесь в этом...

- [Туве Янссон](#)
    - [ПРОЛОГ](#)
    - [ПРЕДИСЛОВИЕ](#)
    - [ГЛАВА ПЕРВАЯ,](#)
    - [ГЛАВА ВТОРАЯ,](#)
    - [ГЛАВА ТРЕТЬЯ,](#)
    - [ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ,](#)
    - [ГЛАВА ПЯТАЯ,](#)
    - [ГЛАВА ШЕСТАЯ,](#)
    - [ГЛАВА СЕДЬМАЯ,](#)
    - [ГЛАВА ВОСЬМАЯ,](#)
    - [ЭПИЛОГ](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
    - [4](#)
-

Туве Янссон

Мемуары папы Муми-тролля

ПРОЛОГ

Однажды, когда Муми-тролль был совсем маленький, его папа в разгар лета, в самую жару, умудрился простудиться. Пить горячее молоко с луковым соком и сахаром он не захотел. Даже в постель не лег, а сидя в саду на качелях, без конца сморкался и говорил, что это от ужасных сигар. По всей лужайке были разбросаны папины носовые платки. Муми-мама собирала их в маленькую корзиночку.

Когда насморк стал еще сильнее, папа перебрался на веранду и, устроившись в кресле-качалке, закутался в одеяло. Мама принесла ему большой стакан коктейля с ромом, но ром показался папе таким же невкусным, как и молоко с луком, и тогда, совсем отчаявшись, он поднялся в северную мансарду и лег там в кровать. Он никогда раньше не болел и теперь совсем упал духом.

А когда заболело еще и горло, папа велел маме позвать Муми-тролля, Снусмумрика и Сниффа. Они обступили папину кровать, и Муми-папа обратился к ним с прощальной речью: пусть, мол, никогда не забывают, что на их долю выпало жить вместе с ним — настоящим искателем приключений. Под конец папа так охрип, что когда он попросил Сниффа принести трамвайчик из пенки, стоявший на комодe в гостиной, никто не мог понять, что с ним такое происходит.

Все стали наперебой утешать папу, потом закутали его в одеяла и, разложив на тумбочке леденцы, аспирин и увлекательные книжки, вышли на солнышко.

А папа посердился-посердился да и заснул. Когда, уже под вечер, он проснулся, горло болело чуточку меньше, но папа все еще был не в духе. Он позвонил в колокольчик, стоявший на прикроватной тумбочке, мама тут же поднялась в мансарду и спросила заботливо:

— Как ты себя чувствуешь?

— Скверно, — отвечал папа. — Но это не имеет значения. Сейчас гораздо важнее поговорить о моем пенковом трамвайчике.

— Это тот трамвайчик, который украшает нашу гостиную? — удивилась мама. — А что с ним такое?

Папа приподнялся и сел в кровати.

— Ты что, в самом деле не знаешь, чем был для меня в дни первой молодости этот трамвайчик?

— Наверное, ты выиграл его в лотерею или что-нибудь в этом роде, — предположила Муми-мама.

Папа чихнул и, покачав головой, со вздохом заметил:

— Я так и думал. А что, если бы нынче утром я умер от простуды?! Ведь никто из вас и понятия не имеет об истории этого трамвайчика, как, впрочем, и о многих других важных вещах. А я ведь рассказывал вам о своей молодости, но вы, конечно, все забыли.

— Может, какие-то мелкие подробности я и забыла, призналась мама. — Память-то постепенно слабеет... Хочешь есть? Сегодня на обед фруктовый суп и желе.

— Ужас, — мрачно изрек папа и, повернувшись к стене, сильно закашлялся.

Мама Муми-тролля поглядела на мужа и вдруг сказала:

— Знаешь, я сегодня убиралась на чердаке и нашла большую-большую тетрадь. Что, если тебе написать книгу о своей молодости? Папа перестал кашлять.

— Пока ты простужен и не можешь выходить из дома... — продолжала мама. — Когда пишут о своей жизни, это, кажется, называется мемауры или что-то в этом роде?

— Не мемауры, а мемуары. — буркнул папа.

— А вечером ты бы читал нам вслух то, что написал за день, — продолжала уговаривать его мама. — Но можно и после завтрака или обеда.

— Так быстро книгу не напишешь, — проворчал папа и высунулся из-под одеяла. — Не думай, что это просто: взял и написал. Я не стану читать, пока не закончу всю главу. И сначала прочитаю только тебе, а потом уже всем остальным.

— Да, пожалуй, ты прав, — согласилась мама и полезла на чердак за тетрадью.

— Как папа? — спросил Муми-тролль.

— Получше, — улыбнулась мама. — А теперь, малыши, не шумите, потому что с сегодняшнего дня папа начинает писать мемуары.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Воспоминания

Я, папа Муми-тролля, сижу в этот вечер у окна и вижу, как на темном бархате мглы светлячки вышивают таинственные знаки. Эти быстро тающие завитки — следы короткой, но счастливой жизни.

Отец семейства и хозяин дома, я с грустью оплядываюсь на свою бурную молодость, которую собираюсь описать, и перо мемуариста нерешительно дрожит в моей лапе.

Однако я успокаиваю себя мудрыми и утешительными словами, которые прочитал в мемуарах еще одной значительной личности и которые здесь воспроизвожу: «Каждый, к какому бы сословию он ни принадлежал, если он совершил славное деяние или то, что воистину может почитаться таковым, должен собственноручно описать свою жизнь. Хотя и не следует браться за это прекрасное дело, пока не достигнешь сорокалетнего возраста. Если, конечно, он привержен истине и добру».

Мне кажется, я совершил немало славных дел, а еще больше таких, которые представляются мне славными. И я в достаточной степени добр, привержен истине, когда она не слишком нудная (а сколько мне лет, я забыл).

Да, так вот: я уступил настояниям моего семейства и собственному искушению рассказать о самом себе. И охотно сознаюсь в том, что считаю очень заманчивым, если меня станут читать во всей долине муми-троллей!

И да послужат мои непритязательные заметки уроком и утешением всем муми-троллям и в особенности моему сыну. Моя некогда прекрасная память, разумеется, чуточку притупилась. Но, за исключением отдельных преувеличений и небольших ошибок, которые наверняка только усилят местный колорит и живость изложения, жизнеописание мое будет вполне соответствовать действительности.

Уважая чувства всех ныне здравствующих лиц, я иногда заменял, к примеру, филифьонок хемулями, а гафс — ежихами и так далее; но догадливый читатель в каждом отдельном случае поймет, как было на самом деле.

Кроме того, он поймет, что Юксаре — это таинственный папа Снусмумрика, и наверняка догадается о том, что Снифф — сын зверька по имени Шнырек.

Ты же, мое малое и еще неразумное дитя, прочитай историю приключений трех отцов и задумайся над тем, что один папа не слишком отличается (по крайней мере, не отличался в молодые годы) от другого.

Ради себя самого, своей эпохи и своих потомков я обязан описать нашу удивительную юность, столь богатую приключениями. И думаю, что многие, читая мои мемуары, задумчиво поднимут мордочки и воскликнут: «Каков этот муми-тролль, а?» Или: «Вот это жизнь!» (Ужас, какой важной персоной я себя ощущаю.)^[1]

Под конец я хочу горячо поблагодарить всех тех, кто в свое время способствовал тому, что жизнь моя стала произведением искусства. И прежде всего Фредриксона, хатифнаттов и мою жену, единственную в своем роде Муми-маму.

Муми-дол. Автор

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

в которой я рассказываю о своем детстве, когда меня никто не понимал, о первом Приключении, о ночи бегства, давшей новое направление моей жизни, а также описываю историческую встречу с Фредриксоном

Это было давным-давно. Однажды, скучным и ветреным августовским вечером, на крыльце дома для подкидышей муми-троллей была обнаружена обыкновенная хозяйственная сумка. В сумке, довольно небрежно завернутый в газетную бумагу, лежал не кто иной, как я сам.

Насколько романтичней было бы, например, выстлать мхом маленькую хорошенькую корзиночку и положить меня туда!

Хемулиха, основавшая этот дом, интересовалась астрологией (для домашнего употребления) и, что было вполне разумно с ее стороны, обратила внимание на звезды, ознаменовавшие мое появление на свет. Они указывали на рождение совершенно незаурядного и высокоодаренного муми-тролля. Хемулиха, ясное дело, тут же забеспокоилась, что хлопот со мной не оберешься (ведь в обыденной жизни от гениев одни неприятности, но сам я, по крайней мере, от этого никаких неудобств не испытывал).

Удивительное дело — расположение звезд! Родись я несколькими часами раньше, я бы мог стать заядлым игроком в покер, а все те, кто родился на двадцать минут позже, почувствовали бы настоятельную необходимость вступить в Добровольный оркестр хемулей (папы и мамы должны быть очень осторожны, производя на свет детей, и я рекомендую каждому и каждой из них сделать предварительные и точные расчеты).

Одним словом, когда меня вынули из сумки, я трижды чихнул совершенно определенным образом. Уже это могло кое-что да значить!

Хемулиха, приложив печать к моему хвосту, заклеила меня магической цифрой тринадцать, поскольку до этого в доме обитали

двенадцать подкидышей. Все они были одинаково серьезные, послушные и аккуратные, потому что Хемулиха, к сожалению, чаще мыла их, нежели прижимала к сердцу (солидной ее натуре недоставало некоторой тонкости чувств). Дорогие читатели!

Представьте себе дом, где все комнаты одинаково квадратные, одинаково выкрашенные — в коричневатопивной цвет и расположены в строгом порядке: одна за другой! Вы говорите: не может быть! Вы утверждаете, что в доме для муми-троллей должно быть множество удивительнейших уголков и потайных комнат, лестниц, балкончиков и башен! Вы правы. Но только не в доме для найденышей! Более того: в этом приюте никому нельзя было вставать ночью, чтобы поесть, поболтать или прогуляться! Даже выйти по маленькой нужде было не так-то просто.

Мне, например, было строжайше запрещено приносить с собой в дом маленьких зверюшек и держать их под кроватью! Я должен был есть и умываться в одно и то же время, а здороваясь, держать хвост под углом в 45° — разве можно говорить обо всем этом без слез?!

Часто я останавливался перед маленьким зеркалом в прихожей и, обхватив мордочку лапками, заглядывал в свои печальные голубые глазки, в которых пытался прочесть тайну собственной жизни, и, вздыхая, произносил: «Один как перст. О жестокий мир! О жалкий мой жребий!» И повторял эти горестные слова до тех пор, пока мне не становилось чуточку легче.

Я был очень одинок, это часто случается с мумитроллями, наделенными своеобразными дарованиями. Никто меня не понимал, а сам себя я понимал еще меньше. Разумеется, я сразу заметил разницу между собой и другими муми-троллями. Разница эта состояла главным образом в их жалкой неспособности удивляться и изумляться.

Я же мог, например, спросить Хемулиху, почему все на свете устроено так, как есть, а не иначе.

— Хорошенькая была бы тогда картинка, — отвечала Хемулиха. — А разве так, как сейчас, плохо?

Увы, она никогда не давала мне вразумительных объяснений, и я все больше и больше убеждался в том, что ей попросту хотелось отвязаться от меня. Хемули ведь никогда не задают вопросов: что? где? кто? как? Я же мог спросить Хемулиху:

— Почему я — это я, а не кто-нибудь другой?

— То, что ты — это ты, — несчастье для нас обоих! Ты умывался? — Так отвечала она на мои важные вопросы.

Но я не отставал:

— А почему вы, тетенька, — Хемулиха, а не мумитроллиха?

— К счастью, и моя мама, и мой папа были хемули, — отвечала она.

— А их папы и мамы? — не унимался я.

— Хемули! — воскликнула Хемулиха. — И их папы и мамы были хемулями, и папы и мамы этих хемулей — тоже хемулями, и так далее, и так далее! А теперь иди и умойся, а то я нервничаю.

— Как ужасно! Неужели этим хемулям никогда и конца не будет? — спрашивал я. — Ведь были же когда-нибудь самые первые папа с мамой?

— Это было так давно, что незачем этим интересоваться, — сердилась Хемулиха. — И, собственно говоря, почему нам должен настать конец?

(Смутное, но неотвязное предчувствие говорило мне, что цепочка пап и мам, имеющих отношение ко мне, была чем-то из ряда вон выходящим. Меня ничуть не удивило бы, если бы на моей пеленке была вышита королевская корона. Но — ах! — что можно прочитать на листке газетной бумаги?)

Однажды мне приснилось, что я поздоровался с Хемулихой неправильно, держа хвост под углом в 70°. Я рассказал ей об этом и спросил, рассердилась она или нет.

— Сны — ерунда, — изрекла Хемулиха.

— Разве? — возразил я. — А может, тот муми-тролль, который мне приснился, и есть настоящий, а мумитролль, который находится здесь, просто приснился тебе, тетенька?

— К сожалению, нет! Ты существуешь, и еще как! — устало отмахнулась Хемулиха. — Я с тобой не справляюсь! У меня от тебя болит голова! Что будет с тобой в этом мире, где все делается не по хемульски!

— Я стану знаменитым, — серьезно объяснил я. — И среди прочих дел построю дом для маленьких подкидышей-хемулят. И все они будут есть бутерброды прямо в кровати, а под кроватью держать скунсов и ужей.

— На это хемулята никогда не согласятся, — сказала Хемулиха.

Мне казалось, что она, к сожалению, права. Так и проходило мое детство. Я только и делал что молча удивлялся и постоянно повторял свои вопросы: что? где? кто? как? Хемулиха и ее послушные подкидыши упорно избегали меня. От моих «что?», «где?», «кто?», «как?», «когда?» и «почему?» им становилось явно не по себе. И я одиноко бродил вокруг дома Хемулихи по пустынному, безлесному побережью, размышляя то о паутине, то о звездах, то о малявках с загнутыми хвостиками, так и шнырявших в лужах, а то и о ветре, который приносил отовсюду разные запахи (позднее я узнают: одаренный муми-тролль всегда поражается самым простым вещам, но не видит ничего удивительного в том, что кажется странным обычному муми-троллю). Да, печальное было время!

Но постепенно что-то изменилось во мне: я стал задумываться о форме моей собственной мордочки. Предоставив Хемулиху и других муми-троллят их собственной судьбе, я начал все больше и больше думать о себе самом. И находил это занятие весьма увлекательным. Я перестаю задавать вопросы. Зато я испытал непреодолимое желание говорить о том, что я сам думал и чувствовал. Но — ах! — кроме меня, на свете не было никого, кому я был бы хоть сколько-нибудь интересен.

И вот пришла та самая весна, весна, такая важная для моего развития. Сначала я и думать не думал, что она пришла ради меня. Я слышал, как пищит, жужжит и бормочет, как пробуждается от зимней спячки все живое и торопится встретить весну. Я видел, как в разбитом по строгим законам симметрии огороде Хемулихи растения набирают силу, а все, что пробивается из земли, просто извивается от нетерпения. По ночам гудели свежие ветры, и пахло по-новому — переменами. Я прислушивался и принимаюлся. Лапки мои болели от быстрого роста, но я по-прежнему не понимал, что все это происходит только ради меня.

Наконец однажды, ветреным утром, я почувствовал... да, я просто-напросто почувствовал, что вырос. Я пошел прямо к морю, которое Хемулиха терпеть не могла и поэтому строго-настрого запрещала ходить туда.

Там меня ожидало поразительное открытие. Я впервые увидел самого себя во весь рост. Блестящая льдина была гораздо больше зеркала в прихожей дома Хемулихи, и в ней отражалось весеннее небо

с плывущими по нему тучками и весь я. Наконец-то я мог разглядеть свою мордочку с маленькими, хорошенькими, стоящими торчком ушками и все свое крепкое, хорошо сложенное туловище — до самых лапок. Единственное, что меня, по правде говоря, немного разочаровало — это лапки, создававшие впечатление беспомощности и какой-то детскости. Но, подумал я, может, со временем это пройдет. Сила моя, вне всякого сомнения, — в голове. Что бы я ни делал, со мной никто не заскучает. И в глубину моей души никому не удастся заглянуть. словно замороженный, разглядывал я свое отражение и, желая еще лучше рассмотреть себя в ледяном зеркале, лег на живот.

Но себя я там не увидел. Подо мной была лишь зеленоватая бездонная мгла, все глубже и глубже уходившая в бездну. Там, в чуждом мне, таинственном мире, отделенном от меня льдом, шевелились смутные тени. Они казались мне грозными и вместе с тем необычайно манили к себе. Голова у меня закружилась, и мне почудилось, что я падаю... вниз... вниз...

Это было ужасно, и я снова подумал: «Неужели мне никогда не выбраться наверх? Неужели только все вниз, вниз и вниз?»

Глубоко взволнованный, я поднялся и топнул по льду, желая проверить, выдержит ли он меня. Лед выдержал. Тогда я топнул сильнее — и лед не выдержал.

Я по уши окунулся в зеленоватое холодное море, лишь лапки мои беспомощно повисли над бездонной и опасной мглой.

По весеннему же небу по-прежнему спокойно проплывали тучи.

А вдруг одна из грозных теней, шевелящихся в морской воде, съест меня? А может, она откусит одно мое ушко, принесет его к себе домой и скажет своим детям: «Съешьте его побыстрее! Это ухо настоящего маленького муми-тролля. Такое лакомство не каждый день перепадает».

А может, волна с бешеной скоростью вынесет меня на сушу, и Хемулиха, увидев меня с одним лишь ушком, опутанным водорослями, заплачет, станет каяться и говорить всем своим знакомым: «Ах! Это был такой необыкновенный муми-тролля! Жаль, что я этого вовремя не поняла...»

В мыслях я успел уже добраться до собственных похорон, как вдруг почувствовал, что кто-то очень осторожно дергает меня за хвост. Каждый, у кого есть хвост, знает, как дорожишь этим

редчайшим украшением и как мгновенно реагируешь, если хвосту угрожает опасность или какое-нибудь оскорбление. Я мигом очнулся от своих захватывающих мечтаний и преисполнился жажды деятельности: я решительно выкарабкается на лед и перебрался на берег. И тут я сказал самому себе:

— Я пережил Приключение. Первое Приключение в моей жизни. Остаться у Хемулихи невозможно. Беру свою судьбу в собственные лапы!

Целый день меня знобило, но никто даже не спросил, что со мной. Это укрепило мое решение. Когда наступили сумерки, я разорвал свою простыню на длинные полосы, сплел из них веревку, а веревку привязал к рейке оконного переплета. Послушные подкидыши поглядывали на меня, но молчали. Это меня сильно оскорбило. После вечернего чая я с величайшей добросовестностью составил свое прощальное письмо. Письмо было написано совсем просто, но в нем ощущалось глубокое внутреннее достоинство. Вот мое письмо:

«Дорогая Хемулиха!

Чувствую, что меня ожидают великие подвиги, а жизнь муми-тролля — коротка. И потому я покидаю этот дом, прощай, не печалься, я вернусь, увенчанный славой!

PS. Забираю с собой банку тыквенного пюре.

Привет! Желаю тебе всего доброго.

Муми-тролль, который не похож на других».

Итак, жребий брошен! Ведомый звездами своей судьбы, я отправился в путь, не подозревая об ожидавших меня удивительных событиях. Я был всего-навсего юный муми-тролль, печально бредущий по вересковой пустоши и вздрагивающий всякий раз, когда ужасные звуки ночи нарушали тишину горных теснин, усиливая мое одиночество.

Дойдя в своих мемуарах до этих событий, Муми-папа почувствовал, что воспоминания о несчастном детстве глубоко захватили его и он должен немного прийти в себя. Завинтив колпачок ручки, он подошел к окну. Над Муми-долиной царила полная тишина. Один лишь ночной ветерок, прилетевший с севера, шелестел в саду, да

веревочная лестница Муми-тролля качалась, словно маятник, у стены дома.

«Я мог бы и теперь сбежать, — подумал папа. — Не такой уж я и старый!»

Усмехнувшись, папа высунул в окно лапу и притянул к себе веревочную лестницу.

— Привет, папа! — произнес в соседнем окошке Муми-тролля. — Что ты делаешь?

— Зарядку, сын мой! — отвечал папа. — Очень полезно! Шаг — вниз, два — вверх. Укрепляет мышцы.

— Только не свались! — предупредил Муми-тролля. — Как там твои мемуары?

— Прекрасно! — Папа перебросил свои дрожащие лапы через подоконник. — В мемуарах я совсем недавно сбежал из дома для подкидышей. Хемулиха плачет. Будет необыкновенно увлекательно.

— Когда ты прочитаешь нам эти свои записки? — спросил Муми-тролля.

— Скоро. Как только дойду до речного парохода, — пообещал папа. — До чего же весело читать вслух то, что сам написал!

— Ясное дело, — подтвердил, зевая, Муми-тролля. — Ну пока!

— Привет, привет! — отозвался папа и отвинтил колпачок ручки. — Так. На чем это я остановился?.. Ах, да, я убежал, а утром... Нет, это — позднее... Сначала надо описать ночь бегства.

...Всю ночь я брел по незнакомой мрачной местности. Я шел, не смея остановиться, не смея даже смотреть по сторонам. Кто знает, что может внезапно появиться во мраке! Я пытался петь утренний марш подкидышей: «Как не по-хемульски в этом мире...» Но голос мой дрожал так, словно хотел напугать меня еще больше. Ночь была непроглядная. Туман, густой, как овсяный суп, которым кормила нас Хемулиха, напознал на пустошь, превращая кусты и камни в бесформенных чудовищ. Они надвигались на меня, простирали ко мне руки... О, как мне было жаль себя!

Даже неприятное общество Хемулихи на короткий миг показалось мне вдруг приятным. Вернуться назад? Никогда! Да еще после великолепного прощального письма!

Наконец ночной мрак стал рассеиваться. Выходило солнце. На моих глазах происходило нечто прекрасное. Туман зарделся, стал

таким же розоватым, как вуаль воскресной шляпки Хемулихи. И мир вмиг преобразился, он тоже сделался добрым и розоватым! Я застыл, наблюдая, как исчезает ночь; я совершенно забыл о ней, ведь наступило первое мое утро, мое — личное, принадлежащее только мне утро!

Дорогой читатель!

Представь себе мою радость и торжество, когда я сорвал с хвоста ненавистную печать и забросил ее подальше в вереск! А потом, подняв торчком свои хорошенькие ушки и задрав мордочку, я исполнил новый танец, танец свободного муми-тролля.

Подумать только! Не надо больше умываться, не надо есть только потому, что уже пять часов! Никогда ни перед кем, кроме короля, не вилять хвостом и не ночевать больше в квадратной, коричневатопивного цвета комнате! Долой хемулей!

Солнце выкатилось на небосвод, лучи его заискрились в паутине и мокрой листве, и сквозь редяющий туман я увидел Дорогу. Извиваясь по вересковой пустоши, она вела прямо в большой мир, в мою новую жизнь, которая, как я считал, станет необыкновенно знаменитой, не похожей ни на какую другую.

Я достал тыквенное пюре — единственное, что у меня было, — съел его, а банку выбросил. Делать мне было нечего, да и делать что-либо по-старому, когда вокруг все абсолютно новое, невозможно. Мне никогда не жилось так прекрасно.

В таком приподнятом настроении я пребывал до вечера. Надвигающиеся сумерки меня ничуть не беспокоили — я был переполнен самим собой и своей свободой. Напевая собственного сочинения песню (все до единого слова в ней были значительны, к сожалению, теперь она позабылась), я двинулся прямо в ночь.

Ветер, обдувая каким-то незнакомым, приятным запахом, волновал меня. Я не знал тогда, что это запах леса — мха, папоротников, тысячи огромных деревьев. Вконец утомившись, я свернулся клубочком на земле и поджал под живот свои холодные лапки. Может, мне все-таки не стоит основывать приют для хемулят? Ведь их подкидывают не так уж часто. И вообще, кем мне лучше стать: искателем приключений или знаменитостью? Наконец после некоторых раздумий я решил стать знаменитым искателем приключений. И, засыпая, думал: завтра же утром!

Проснувшись, я обнаружил, что нахожусь в совершенно незнакомом мире. Ну и удивился же я! Ведь прежде я не видел ни одного лесного дерева. Головокружительной высоты, прямые, точно копья, они горделиво поддерживали свои зеленые своды. Освещенная солнцем, тихо и легко шелестела листва, а вокруг с радостными криками носились птицы. Чтобы собраться с мыслями, я немного постоял на голове, а потом громко закричал им:

— Доброе утро! Кто хозяин этих чудесных мест? Надеюсь, здесь нет хемулей?

— У нас нет времени! Мы играем! — отвечали птицы, ныряя вниз головой в густую листву.

И тогда я пошел прямо в лес. Земля, одетая мхом, была теплой и очень мягкой, а листья папоротника отбрасывали на нее глубокие тени. Целые полчища никогда прежде не виданных мной ползающих и летающих букашек окружили меня, однако они были слишком маленькие, чтобы говорить с ними о серьезных вещах. Наконец я наткнулся на пожилую Ежиху, сидевшую в одиночестве и драившую ореховую скорлупу.

— Доброе утро! — вежливо поздоровался я. — Я одинокий беглец, рожденный при самом необыкновенном сочетании звезд.

— Вот как! — не проявляя особого интереса к моей особе, буркнула Ежиха. — А я работаю. Из этой скорлупки выйдет прекрасная мисочка для простокваши.

— Да-а! — протянул я и вдруг почувствовал, что хочу есть. — Кто же хозяин этих чудесных мест?

— Никто! Все! — пожала плечами Ежиха.

— И я тоже? — спросил я.

— Пожалуй, — пробормотала Ежиха, полируя будущую мисочку для своей простокваши.

— Но, фру Ежиха, вы точно уверены, что хозяйка этих мест не какая-нибудь Хемулиха? — продолжая беспокоиться, допрашивал я.

— Кто это? Кто это такая? — спросила Ежиха. Подумать только, счастливица никогда в жизни не видела хемулях!

— У них ужасно большие ноги и никакого чувства юмора, — объяснил я. — У них огромные, чуть приплюснутые морды, а волосы растут беспорядочными клочьями. Хемулихи никогда не делают то, от чего делается весело, а только то, что необходимо. И постоянно

напоминают вам о том, что бы они сами сделали, будь на вашем месте, и...

— О, боже! — Ежиха, попятившись, скрылась в зарослях папоротника.

«Ну и ладно, — слегка обидевшись, подумал я (ведь я мог значительно больше рассказать о Хемулихах). — Раз у этих мест нет хозяина и они принадлежат всем, значит, и мне тоже. Но что бы мне такое придумать?»

Идея, как это всегда со мной бывает, пришла внезапно. В голове у меня что-то щелкнуло, и все стало ясно. Если есть на свете Мумитролля и если есть свободные Места, то совершенно точно: здесь будет Дом. Какая восхитительная мысль: дом, который я сам построю! Дом, хозяин которого — я один. Неподалеку я обнаружил ручей и зеленую полянку, показавшуюся мне очень подходящей для мумитролля. В излучине ручья нашелся даже песчаный бережок.

Я взял щепку и стал чертить на песке свой будущий дом. Побольше уверенности! Я точно знал, каким должен быть дом мумитролля: высоким, узким, со множеством балкончиков, лестниц и башенок. На верхнем этаже я нарисовал три маленькие комнатки и чулан для всякой всячины, ну, сами знаете! Нижний же этаж целиком заняла большая шикарная гостиная. К ней я причертил застекленную веранду. Отсюда мне предстояло, сидя в кресле-качалке, смотреть на бегущий мимо ручей. А на столике передо мной будет вечно стоять огромный стакан сока и рядом с ним — гора бутербродов. Переилам веранды я пририсовал столбики с узором в виде сосновых шишек. Остроконечную крышу украсил красивой деревянной луковицей и тут же решил, что когда-нибудь в будущем обязательно позолочу ее. Я долго размышлял над тем, какую форму избрать для печной дверцы (пережиток тех времен, когда все мумитролли жили за печкой). В конце концов я решил отказаться от множества маленьких печек с медными дверцами и вместо них сделал одну большую печь в гостиной.

С печкой дом сразу сделался необычайно уютным. И я был просто очарован моим собственным прекрасным произведением. Должно быть, тут проявились мои врожденные способности, а также талант, рассудительность и самокритичность. Но так как никогда не

следует хвалить то, что создано тобою, я просто описываю вам этот дом.

Внезапно мне стало холодно. Тень от папоротника все росла и росла, вечерело...

От усталости и голода у меня закружилась голова, и я только и думал, что о Ежихиной мисочке для простокваши. К тому же у нее вполне могла завалиться краска, которой можно будет позолотить купол в виде луковицы на крыше будущего дома муми-троллей. Устало передвигая одеревеневшие лапки, я побрел по темнеющему лесу.

Ежиха мыла посуду.

— Подумать только! — воскликнула она при виде меня. — Он снова здесь! Только ни слова о хемулях!

Махнув лапкой, я заговорил:

— Хемули, любезная фру, для меня теперь — никто! Я построил дом! Скромный двухэтажный дом! Я очень счастлив, но очень устал, а прежде всего — ужасно голоден! Я привык есть ровно в пять часов. И мне надо немного золотой краски для луковицы на...

— Вот оно что! Золотой краски! — с кислой миной перебила меня Ежиха. — Ты явился как раз к мытью посуды. Свежая простокваша еще не готова, а вечернюю я съела.

— Ну и ладно, — отвечал я. — Одной мисочкой простокваши больше, одной меньше — не так уж важно для искателя приключений. Но прошу вас, любезная фру, оставьте посуду и взгляните на мой новый дом!

Ежиха подозрительно посмотрела на меня и вытерла лапки полотенцем.

— Так и быть, — сказала она. — Придется потом снова воду подогревать. Где дом? Далеко отсюда?

Я шел впереди, и от дурного предчувствия всю дорогу у меня дрожали поджилки.

— Ну-у? — спросила Ежиха, когда мы приблизились к ручью.

— Любезная фру, — осторожно начал я, показывая на дом, который начертил на песке. — Вот таким я представляю его себе... Перила веранды опираются на столбики с узором в виде сосновых шишек. То есть, если вы, фру, одолжите мне лобзик...

Я был совершенно сбит с толку.

Дорогой читатель! Я так вжился в мечту о доме, что уверился, будто он и в самом деле уже построен! Это, конечно, свидетельствует о богатстве моей фантазии — необычайной особенности, которая в будущем отметит мою жизнь и жизнь моих близких.

Ежиха долго смотрела на меня, потом наконец что-то пробормотала (к счастью, слов я не разобрал) и отправилась восвояси — домывать посуду.

А я залез в ручей и, ни о чем не думая, побрел по прохладной воде. Ручей тек причудливо и неспешно, как обычно текут лесные ручьи. Местами он становился таким мелким и прозрачным, что на дне его был виден каждый камешек. Багровое солнце стояло низко над горизонтом, его лучи, огибая сосновые стволы, били мне прямо в глаза, и я, ослепленный, брел все дальше и дальше.

Наконец в голове у меня опять щелкнуло. Если бы я и в самом деле построил дом вот на том красивом лужке, поросшем цветами, то весь лужок был бы испорчен, не так ли?

Дом надо строить рядом с лужком, но рядом с лужком места для постройки не было! Подумать только: я чуть не стал домовладельцем! А разве домовладелец может быть искателем приключений?

Дальше... Я чуть было на всю свою жизнь не обзавелся такой соседкой, как Ежиха! Скорее всего она из обширного ежевого рода, и все они там такого же неприветливого нрава. Стало быть, я избежал трех больших бед и должен испытывать чувство глубокого удовлетворения.

Теперь задним числом я смотрю на историю с домом как на свой первый большой жизненный Опыт, имевший величайшее значение для моего дальнейшего развития.

Сохранив свободу и самоуважение, я мог брести по ручью и дальше, но мысли мои были прерваны какимто веселым, коротеньким звуком. Посреди ручья стрекотало красивое водяное колесо, сделанное из колышков и лопастей. Я остановился в удивлении. И тут же услышал, как кто-то говорит:

— Это эксперимент. Счетчик оборотов.

Я приоткрыл глаза и увидел, что из черничника высовывается пара длинных-предлинных ушей.

— С кем имею честь? — спросил я.

— Фредриксон, — ответил обладатель длинных ушей. — А ты сам — кто?

— Муми-тролль, — отвечал я. — Беглец, рожденный при самом необыкновенном сочетании звезд.

— Каком-каком? — переспросил Фредриксон с заметным интересом.

И я очень тому обрадовался, потому что впервые услышал разумный, интеллигентный вопрос.

Я вылез из ручья и, сев рядом с Фредриксоном, стал рассказывать ему о всех знаках и предзнаменованиях, сопровождавших мое появление на свет. Он ни разу не прервал меня, слушая мой рассказ о красивой маленькой корзиночке и газетной бумаге, в которой меня якобы нашла Хемулиха, и о моем ужасном детстве в ее ужасном доме, где меня никто не понимал. И о Приключении на весеннем льду...

Поскольку в рассказе всегда следует сосредоточиться на самом главном, историю с домом и Ежихой я опустил, зато подробно описал свое драматическое бегство и ужасное странствие по вересковой пустоши. И под конец сообщил Фредриксону, что решил стать искателем приключений.

Когда я умолк, Фредриксон, слушавший меня очень внимательно и изредка, в нужных местах, помахивавший ушами, долго думал и наконец сказал:

— Удивительно! До чего удивительно!

— Конечно! — с благодарностью произнес я.

— А хемули просто отвратительны, — заявил Фредриксон и, рассеянно вытащив из кармана пакет с бутербродами, отдал мне половину, пояснив: — Ветчина.

Потом мы с ним немного посидели, глядя, как заходит солнце.

За время своей долголетней дружбы с Фредриксоном я не раз удивлялся тому, как он может успокаивать и убеждать, не произнося сколько-нибудь значительных и громких слов. Но я намерен продолжить свой рассказ... К моему вящему удовольствию, день кончился чудесно, и я рекомендую каждому, у кого беспокойно на душе, посмотреть на искусно сделанное водяное колесо, которое стрекочет посреди ручья.

Искусству изготавливать такие колеса я научил позднее и моего сына Муми-тролля. (Это делают так: вырезают два маленьких

кольшка и втыкают их в песчаное дно ручья на некотором расстоянии друг от друга. Затем находят четыре длинных листа и протыкают их прутиком, чтобы они вместе составили что-то вроде звездочки. Эту несложную конструкцию укрепляют двумя тоненькими веточками. Под конец прутики с листочками осторожно кладут на распорки, и водяное колесо начинает вертеться.)

Когда в лесу совсем стемнело, мы с Фредриксоном вернулись на мой зеленый лужок и легли спать. Мы провели ночь на веранде моего дома, хотя Фредриксон об этом и не подозревал. Во всяком случае мне стало совершенно ясно, что дом готов и мне больше не надо думать об этом.

Единственное, что имело значение, — я нашел своего первого друга, и для меня началась настоящая жизнь.

ГЛАВА ВТОРАЯ,

где я ввожу в свои мемуары Юксаре и зверька по имени Шнырек, представляю читателям дронта Эдварда и даю яркое описание речного парохода «Морской оркестр» и его несравненной команды

В то утро, проснувшись, я увидел, что Фредриксон закидывает в ручей сеть.

— Привет! — поздоровался я. — Здесь водится рыба?

— Нет! — ответил Фредриксон. — Это подарок ко дню рождения.

Реплика была совершенно в духе Фредриксона. Он просто хотел сказать, что рыболовную сеть получил в подарок от своего племянника, который сам сплел ее и очень огорчится, если сеть не побывает в воде. Слово за слово, и я узнал, что племянника зовут Шнырек^[2] и что родители его погибли во время генеральной уборки. Этот зверек жил теперь в банке из-под кофе, ну, той, что голубого цвета, и коллекционировал главным образом пуговицы. Рассказ Фредриксона не отнял у меня много времени. Фредриксон был скуп на слова и никогда не тратил их особенно много за один раз.

Затем он поманил меня легким движением уха и повел в лес. Когда мы подошли к кофейной банке, Фредриксон вытащил свисток и трижды свистнул. Крышка моментально отскочила, оттуда выпрыгнул Шнырек и кинулся к нам.

— Доброе утро! — с нескрываемой радостью закричал он. — Вот здорово! Как раз сегодня ты и собирался устроить мне большой сюрприз? Это кто с тобой? Какая честь для меня! Жаль, что я еще не успел прибраться в банке...

— Не смущайся! — успокоил племянника Фредриксон. — Это Муми-тролль.

— Здравствуйте! Добро пожаловать! — затараторил Шнырек. — Я сейчас... Извините, мне надо взять с собой кое-какие вещи...

Он исчез в своей банке, и мы слышали, как отчаянно он там роется. Через некоторое время Шнырек снова выскочил с фанерным

ящичком под мышкой, и дальше мы пошли уже втроем.

— Племянник! — сказал вдруг Фредриксон. — Ты умеешь писать красками и рисовать?

— Еще бы! — воскликнул Шнырек. — Однажды я нарисовал карточки всем моим кузинам! Каждой по карточке, с указанием места за праздничным столом. Хочешь, и тебе нарисуем такую замечательную карточку? Или лучше написать какие-нибудь изречения? Извини, но что именно тебе нужно? Это связано с твоим сюрпризом?

— Это тайна, — ответил Фредриксон.

Тут Шнырек так разволновался, что начал подпрыгивать; шнурок, которым был завязан ящичек, развязался, и на поросшую мхом землю вывалилось все его имущество: медные спиральки, резиновая подвязка, сережки, сушеные лягушки, ножи для сыра, окурки сигарет, куча пуговиц и среди прочего открывалка для минеральной воды.

— У меня был такой хороший шнурок, но он потерялся! Извините! — пропищал Шнырек.

— Ничего, ничего, — успокоил его Фредриксон, складывая все обратно в ящичек.

Потом он вынул из кармана обрывок веревки, перевязал ящичек, и мы пошли дальше. Поглядев на уши Фредриксона, я понял, что он переполнен своей тайной и очень волнуется. Наконец мы остановились возле зарослей орешника, и Фредриксон, повернувшись, серьезно посмотрел на нас.

— Твой сюрприз там? — благоговейно прошептал Шнырек.

Фредриксон кивнул. Мы пробрались сквозь заросли и очутились на поляне. Посреди поляны стоял пароход, большой пароход! Широкий и устойчивый, такой же надежный и крепкий, как сам Фредриксон.

Я ничего не знал о пароходе, но меня тут же охватило какое-то доселе незнакомое мне сильное чувство, можно сказать, возникла идея парохода; мое сердце — сердце искателя приключений — гулко забилося. Я представил, как Фредриксон мечтал об этом пароходе, как он чертил его, как шел каждое утро на поляну, чтобы его строить.

Должно быть, он занимался этим уже давно, но никому об этом не рассказывал, даже Шнырьку, и, опечалившись, я чуть слышно спросил:

— Как ты назвал пароход?

— «Морской оркестр», — ответил Фредриксон. — Так назывался сборник стихотворений моего покойного брата. Имя будет написано небесно-голубой краской.

— И это можно сделать мне, да? — прошептал Шнырек. — Это правда? Клянешься хвостом? Извини, но что, если я выкрашу весь пароход в красный цвет? Можно? Тебе это понравится?

Фредриксон кивнул:

— Только не закрась ватерлинию.

— У меня как раз есть большая банка красной краски! — радостно затараторил Шнырек. Он так волновался, что у него дрожали усы. — И маленькая банка небесно-голубой!.. Какая удача! Вот здорово! А сейчас мне надо домой, приготовить вам завтрак и прибраться в банке... — И он тут же исчез.

Я снова посмотрел на пароход и сказал Фредриксону:

— Какой ты молодец!

Тут Фредриксон разговорился. Он говорил очень много и все больше о конструкции своего парохода. Потом вытащил бумагу и ручку и стал показывать на чертеже, как будут работать колеса. Я не все понимал, но видел: Фредриксон чем-то огорчен. Кажется, у него что-то не ладилось с рулем.

Я очень ему сочувствовал, но полностью разделить его переживаний не мог — ах, вопреки всему есть несколько областей, где мой талант не проявился так, как бы хотелось. И одна из этих областей — машиноведение. Меня больше заинтересовал маленький домик с остроконечной крышей, который поднимался в самом центре парохода.

— Ты живешь в этом домике? — спросил я. — Он похож на беседку для муми-троллей.

— Это навигационная каюта, — чуть недовольно заметил Фредриксон.

И я погрузился в свои мысли. Домик был слишком обыкновенный. На мой вкус, окна можно сделать куда интересней. А на капитанском мостике были бы уместны легкие поручни с фигурками обитателей моря. А крышу надо бы украсить деревянной луковицей, которую, пожалуй, можно и позолотить...

Я отворил дверь каюты. Кто-то лежал на полу и спал, прикрывшись шляпой.

— Это кто — ваш знакомый? — удивленно спросил я у Фредриксона.

Заглянув через мое плечо, Фредриксон сказал:

— Юксаре.

Я стал его рассматривать. Мягкий, странного, пожалуй, светло-каштанового цвета, Юксаре выглядел каким-то неопрятным. Шляпа на нем была очень старая, цветы, некогда украшавшие ее, давно завяли. Казалось, что Юксаре давно не умывался и вообще не любил это делать.

Тут примчался Шнырек и заорал:

— Кушать подано!

Юксаре проснулся от крика, потянулся, словно кот, и, зевнув, сказал:

— Хупп-хэфф!

— Позволь, а ты что делаешь на пароходе Фредриксона? — грозно спросил Шнырек. — Разве ты не видел, что там написано: «Вход воспрещен»?

— Конечно, видел, — невозмутимо отвечал Юксаре. — Вот поэтому-то я здесь.

В этом был весь Юксаре. Любая запрещающая что-то табличка, запертая дверь, даже просто стенка тут же выводили его из обычного сонливого состояния. Стоило ему увидеть в парке сторожа, как усы его начинали дрожать, и тогда от него можно было ожидать самого неожиданного. А в промежутках он спал, или ел, или мечтал. Сейчас Юксаре главным образом был настроен поесть. Мы направились к банке Шнырька, где на выдавшей виды шахматной доске красовался остывший омлет.

— Утром я приготовил очень хороший пудинг, — стал объяснять Шнырек. — Но, к сожалению, он исчез. А это так называемый ленивый омлет!

Омлет был подан на крышках от консервных банок, и пока мы его ели, Шнырек выжидающе смотрел на нас. Фредриксон жевал долго и старательно, и вид у него был довольно странный. Наконец он сказал:

— Племянник, мне попало что-то твердое!

— Твердое? — удивился Шнырек. — Должно быть, это из моей коллекции... Выплюнь! Выплюнь скорей!

Фредриксон выплюнул, и мы увидели на его «тарелочке» два черных зубчатых предмета.

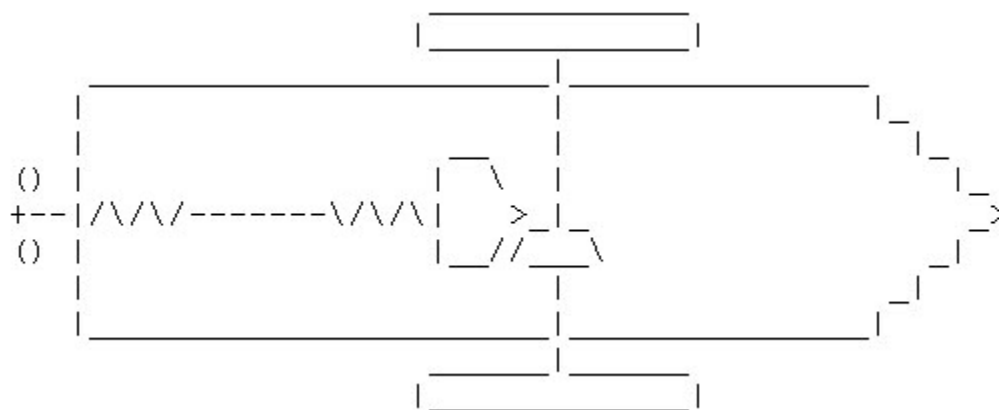
— Извини, пожалуйста! — воскликнул его племянник. — Это всего-навсего мои шестеренки! Хорошо, что ты их не проглотил!

Но Фредриксон не отвечал. Сморщив лоб, он долго смотрел вдаль. И тогда Шнырек заплакал.

— Постарайся, пожалуйста, его извинить, — сказал Юксаре. — Видишь, он ужас как расстроился.

— Извинить? — воскликнул Фредриксон. — За что же?!

Он тут же вытащил бумагу и перо и стал показывать нам, куда надо поместить шестеренки, чтобы заставить крутиться винт с лопастями и пароходные колеса. (Надеюсь, вы понимаете, что начертил Фредриксон.)

— Подумать только! — закричал Шнырек. — Мои шестеренки пригодились для изобретения Фредриксона! Непостижимо!

Мы закончили обед в хорошем настроении. Воодушевленный этим происшествием, племянник Фредриксона надел свой самый большой передник и тут же принялся красить «Морской оркестр» в красный цвет. Шнырек так старался, что и пароход, и земля, и изрядная часть орешника стали красными. А такого перемазанного в красный цвет зверька, как Шнырек, мне в жизни видеть не приходилось. Название парохода он нарисовал небесно-голубой краской.

Когда все было готово, Фредриксон пришел взглянуть на работу племянника.

— Ну как, красиво? — взволнованно спрашивал Шнырек. — Я очень старался. Я вложил всю душу, всего себя в эту работу.

— Оно и видно, — буркнул Фредриксон, поглядев на перепачканного с головы до ног племянника. Он посмотрел также на кривую ватерлинию и хмыкнул: — Хм! — Затем, взглянув на название парохода, снова хмыкнул: — Хм! Хм!

— Я неправильно написал? — забеспокоился Шнырек. — Скажи что-нибудь, а то я снова заплачу! Извини! «Морской оркестр» — такие трудные слова!

— «М-р-з-с-к-о-й а-р-к-е-с-т-р», — прочитал вслух Фредриксон и, еще немного подумав, сказал: — Успокойся. Сойдет.

Шнырек вздохнул с облегчением и остатками краски выкрасил кофейную банку.

А вечером Фредриксон пошел проверять сеть в ручье. Представьте себе наше удивление, когда мы обнаружили в сети маленький нактоуз, а в нем — анероид!..

Тут Муми-папа закрыл тетрадь и выжидающе взглянул на своих слушателей.

— Ну как, нравится? — спросил он.

— По-моему, это будет необыкновенно интересная книга, — серьезно сказал Муми-тролль.

Он лежал на спине в сиреневой беседке и смотрел на пчел; было тепло, стояло полное безветрие.

— Но кое-что ты, наверное, выдумал, — заметил Снифф.

— Неправда! — возмутился Муми-папа. — В те времена и в самом деле случались такие вещи! Каждое мое слово — правда! Возможно, только кое-что чуточку преувеличено...

— Любопытно узнать, — начал Снифф. — Любопытно узнать, куда же подевалась папина коллекция.

— Какая коллекция? — не понял Муми-папа.

— Коллекция пуговиц моего отца, — пояснил Снифф. — Ведь Шнырек — мой отец, так?

— Да, твой, — подтвердил Муми-папа.

— Тогда где же находится его драгоценная коллекция? Я ведь должен был получить ее в наследство, — подчеркнул Снифф.

— Хупп-хэфф, как говорил мой отец, — сказал Снусмумрик. — Кстати, почему ты так мало пишешь о Юксаре? Где он сейчас?

— Об отцах никогда ничего толком не знаешь, — сделал какой-то неопределенный жест, объяснил Муми-папа. — Они приходят и уходят... Во всяком случае я сохранил ваших отцов для потомства, написав о них. Снифф фыркнул.

— Юксаре тоже терпеть не мог сторожей в парке, — задумчиво произнес Снусмумрик. — Одно это...

Они лежали на траве, вытянув лапы и подставив солнцу свои мордочки. Вокруг было чудесно, и всех клонило ко сну.

Ящик со стеклянной крышкой для компаса, расположенный на палубе корабля.

— Папа, — сказал Муми-тролль. — Неужели в то время так неестественно разговаривали? «Представьте себе наше удивление», «свидетельствует о богатстве моей фантазии». И все такое.

— Это вовсе не неестественно, — рассердился папа. — По-твоему, когда сочиняешь, можно говорить небрежно?

— Иногда ты и в жизни говоришь неестественно, — возразил сын. — А Шнырек у тебя разговаривает обычно.

— Фу! — сказал папа. — Это просто местное наречие. А вообще есть большая разница между тем, как ты рассказываешь о каких-то вещах, и тем, как ты о них думаешь... И кроме того, все это больше зависит от того, что чувствуешь... По-моему... — папа замолчал и начал озабоченно перелистывать мемуары. — По-вашему, я употребил чересчур трудные слова?

— Ничего, — утешал его Муми-тролль. — Хотя это было так давно, все равно можно почти всегда угадать, что ты имеешь в виду. А про дальше ты уже написал?

— Нет еще, — ответят папа. — Но потом будет жутко интересно. Скоро я дойду до дронта Эдварда и Морры. Где ручка, которой я пишу мемуары?

— Вот, — сказал Снусмумрик. — И напиши побольше об Юксаре, слышишь! Ничего не упускай!

Муми-папа кивнул, положил тетрадь на траву и стал писать дальше.

Именно тогда я впервые пристрастился к резьбе по дереву. Это особое дарование было, должно быть, врожденным и таилось, если

можно так выразиться, у меня в лапах. Первые мои пробы на этом поприще были довольно робкими. На корабельной верфи я подобрал подходящий кусок дерева, нашел нож и начал вырезать гордый купол (позднее он украсил крышу навигационной каюты). Он имел форму луковицы и был покрыт нарядной рыбьей чешуей.

Фредриксон, к сожалению, ни слова не сказал об этой важной детали в оснастке судна. Он уже ни о чем не мог думать, кроме как о спуске парохода.

«Морской оркестр», на который приятно было смотреть, готовился к старту. На своих четырех резиновых шинах, которые должны были выручать его на коварных песчаных отмелях, пароход пламенел под лучами солнца. Фредриксон где-то раздобыл себе капитанскую фуражку с золотым шнуром.

Забравшись под киль, он расстроено пробормотал:

— Так я и думал. Застрял! Теперь мы простоим здесь до восхода луны.

Обычно немногословный, Фредриксон стал без усталости бормотать что-то и ползать вокруг парохода — верный признак, что он серьезно обеспокоен.

— Ну, теперь скоро опять в путь, — зевнул Юксаре. — Хупп-хэфф! Ну и жизнь! Менять курс, переезжать с места на место придется с утра до вечера. Такая бурная жизнь к добру не приведет. Стоит только подумать о тех, кто трудится и корпит над своей работой, и чем все кончается, сразу падаешь духом. У меня был родственник, который учил тригонометрию до тех пор, пока у него не обвисли усы, а когда все выучил, явилась какая-то морра и съела его. Да, и после он лежал в морровом брюхе, такой умненький!

Речи Юксаре невольно заставляют вспомнить о Снусмумрике, который тоже родился под всеяющей лень звездой. Таинственный папаша Снусмумрика никогда не огорчался из-за того, что действительно было достойно огорчения, и не заботился о том, чтобы оставить след в памяти потомков (туда, как уже говорилось, он не попал бы вообще, если бы я не захватил его в свои мемуары). Как бы там ни было, Юксаре снова зевнул и спросил:

— Когда же мы все-таки отчаливаем, хупп-хэфф?

— И ты с нами? — спросил я.

— Конечно, — ответил Юксаре.

— Если позволите, — сказал Шнырек, — я тоже надумал кое-что в этом роде... Я больше не могу жить в кофейной банке!

— Почему? — удивился я.

— Эта красная краска на жести не высыхает! — объяснил Шнырек. — Извините! Она попадает всюду — и в еду, и в постель, и на усы... Я сойду с ума, Фредриксон, я сойду с ума!

— Не сходи. Лучше упакуй вещи, — сказал Фредриксон.

— Конечно! — воскликнул Шнырек. — Мне надо о многом подумать! Такое долгое путешествие... совсем новая жизнь...

И он побежал, да так быстро, что красная краска брызнула во все стороны.

По-моему, решил я, наша команда более чем ненадежная.

«Морской оркестр» засел крепко, резиновые шины глубоко зарылись в землю, и пароход ни на дюйм не мог сдвинуться с места. Мы изрыли всю корабельную верфь (то есть лесную поляну), но все напрасно. Фредриксон сел и обхватил голову лапами.

— Милый Фредриксон, не горюй так, — попросил я.

— Я не горюю. Я думаю, — отвечал Фредриксон. — Пароход застрял. Его нельзя спустить на воду... Значит, надо реку подвести к пароходу. Каким образом? Строить новый канал? Запруду? А как? Таскать камни?..

— А как? — услужливо повторил я.

— Идея! — вдруг так громко воскликнул Фредриксон, что я подпрыгнул. — Где дронт Эдвард? Ему надо сесть в реку, чтобы она вышла из берегов.

— Он такой огромный? — испугался я.

— Гораздо больше, чем ты думаешь, — коротко ответил Фредриксон. — У тебя есть календарь?

— Нет, — сказал я, все больше и больше волнуясь.

— Так. Позавчера мы ели гороховый суп,^[3] — размышлял вслух Фредриксон. — Значит, сегодня — суббота, а по субботам дронт Эдвард купается. Хорошо. Поспешим!

— А они злые, эти дронты? — осторожно осведомился я, когда мы спускались к речному берегу.

— Да, — ответил Фредриксон. — Растопчут кого-нибудь нечаянно, а потом неделю рыдают. И оплачивают похороны.

— Не очень большое утешение для тех, кого они растопчут, — пробормотал я, почувствовав себя необычайно храбрым.

Я спрашиваю вас, дорогой читатель: трудно ли быть храбрым, если вообще ничего не боишься?

Внезапно остановившись, Фредриксон сказал:

— Здесь.

— Где? — удивился я. — Эдвард живет в этой башне?

— Тише. Это не башня, а его лапы, — объяснил Фредриксон. — Сейчас я его позову. — И он закричал во весь голос: — Эй-эй, там наверху! Эдвард! Внизу я — Фредриксон! Где ты нынче купаешься?

Будто громовой раскат прокатился высоко над нами:

— Как всегда, в озере, песчаная ты блоха!

— Купайся в реке! Там песчаное дно! Мягкое и уютное! — прокричал Фредриксон.

— Это все выдумки, — отвечал дронт Эдвард. — Самые крошечные малявки знают, что эта моррова река жутко напичкана камнями!

— Нет! — настаивал Фредриксон. — Там песчаное дно!

Дронт что-то тихо пробормотал, а потом согласился:

— Хорошо. Я выкупаюсь в твоей морровой реке. Морра тебя возьми, у меня больше нет денег на похороны. И если ты обманываешь меня, тля ты этакая, сам плати за них! Ты ведь знаешь, какие у меня чувствительные конечности, а уж какой нежный хвост — и говорить нечего!

— Беги! — только и успел шепнуть мне Фредриксон. И мы понеслись. Никогда в жизни я не бегал так быстро. И я все время представлял, как дронт Эдвард садится на острые камни своим огромным задом, и его страшный гнев, и гигантскую речную волну, которую он, несомненно, поднимет. И вся эта картина казалась мне такой грозной и опасной, что я потерял всякую надежду на спасение.

Вдруг раздался рев, от которого шерсть встала дыбом на затылке! Это в лес с грохотом хлынула речная волна...

— Все на борт! — закричал Фредриксон.

Мы ринулись на корабельную верфь, преследуемые по пятам речной волной, и, перекинув хвосты через перила, наткнулись на спящего на палубе Юксаре. И в тот же миг нас накрыло шипящей

белой пеной. «Морской оркестр» затрещал, застонал, словно от испуга.

Но тут же, вырвавшись из мшистого плена, пароход гордо и стремительно помчался по лесу. Пришли в движение корабельные лопасти, весело вращался гребной винт, действовали наши шестеренки! Став за руль, Фредриксон твердой лапой уверенно повел «Морской оркестр» меж древесных стволов.

То был ни с чем не сравнимый спуск судна на воду! Цветы и листья дождем сыпались на палубу, и, украшенный, точно в праздник, «Морской оркестр» совершит последний триумфальный прыжок вниз, в реку. Весело плеща, пароход поплыл прямо к речному фарватеру.

— Следить за рекой! — приказал Фредриксон (он хотел как раз проехать по дну, чтобы испытать свою конструкцию шарниров).

Я усердно смотрел по сторонам, но кроме подпрыгивающей где-то впереди на волнах красной банки ничего не видел.

— Интересно, что это за банка? — спросил я.

— Она мне кое-что напоминает, — ответил Юксаре. — Меня не удивит, если там внутри сидит известный всем Шнырек.

Я обернулся к Фредриксону:

— Ты забыл своего племянника!

— Да как же я мог? — удивился Фредриксон. Теперь мы уже видели, что из банки высовывается мокрая красная мордочка Шнырька. Шнырек размахивал лапками и от волнения все туже затягивал на шее галстук.

Перегнувшись через перила, мы с Юксаре выловили кофейную банку, по-прежнему липкую от краски и довольно тяжелую.

— Не запачкайте палубу, — предупредил Фредриксон, когда мы втаскивали банку вместе со Шнырьком на борт. — Как поживаешь, дорогой племянник?

— Я чуть с ума не сошел! Подумать только! Упаковываю вещи, а тут наводнение... Все вверх дном. Я потерял свой самый лучший оконный крючок и, кажется, стержень, которым прочищают трубки. Ой! Что теперь будет?

И Шнырек с известным удовлетворением начал по новой системе приводить в порядок свою коллекцию пуговиц. Прислушиваясь к тихому плеску колес «Морского оркестра», я сел рядом с Фредриксоном и сказал:

— Надеюсь, мы никогда больше не встретимся с дронтом Эдвардом. Как ты думаешь, он ужасно зол на нас?

— Ясное дело, — отвечал Фредриксон.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ,

в которой я запечатлел свой первый славный подвиг — спасение утопающей, его трагические последствия, некоторые свои мысли, а также дал описание повадок клиндасс

Зеленый приветливый лес остался позади. Все вокруг нас стало огромным и невиданным. По крутым склонам берегов с ревом и фырканием рыскали неведомые страшные животные. К счастью, на борту нашего парохода было двое таких, на которых можно было положиться: я и Фредриксон. Юксаре ничего не принимал всерьез, а интересы Шнырька не простирались дальше его банки из-под кофе. Мы поставили ее на баке, и она мало-помалу стала просыхать на солнце. Но самого Шнырька нам так никогда и не удалось отмыть дочиста, и он навсегда приобрел слабый розоватый оттенок.

Конечно, у Фредриксона нашлась на борту золотая краска — меня бы удивило, если бы у него не оказалось такой жизненно необходимой вещи, — и мы украсили пароход моей золоченой луковицей.

Пароход медленно продвигался вперед. Я чаще всего сидел в навигационной каюте и, слегка пощелкивая по анероиду, с некоторым удивлением смотрел, как проплывают мимо берега. Иногда я выходил на капитанский мостик и бродил там в раздумье. Особенно нравилось мне думать о том, как поражена была бы Хемулиха, если б могла видеть меня, равноправного совладельца речного парохода, искателя приключений. По правде говоря, так ей и надо!

Однажды вечером мы вошли в глубокий пустынный залив.

— Не по душе мне этот залив, — заявил Юксаре. — Его вид вызывает Предчувствия.

— Предчувствия! — как-то странно произнес Фредриксон. — Племянник! Бросить якорь!

— Сейчас, сию минуту! — крикнул Шнырек и почему-то швырнул за борт огромную кастрюлю.

— Ты выбросил наш обед? — спросил я его.

— Какое несчастье! — воскликнул Шнырек. — Извините! В спешке так легко ошибиться! Я был ужасно взволнован... Ничего, вместо обеда получите желе — если только я его найду...

Все, что произошло, было в духе таких зверьков, как Шнырек.

А Юксаре, стоя у перил, блестящими глазами смотрел на берег. Сумерки быстро опускались на гребни гор, которые ровными пустынными рядами уходили к горизонту.

— Ну как там твои Предчувствия? — спросил я.

— Тише! — прошептал Юксаре. — Я что-то слышу... Я наострил уши, но услышал лишь, как слабый прибрежный ветер свистит в мачтах «Морского оркестра».

— Ничего, кроме ветра, — сказал я. — Пойдем зажжем керосиновую лампу.

— Я нашел желе! — закричал вдруг Шнырек и выскочил из банки с мисочкой в лапках.

И вот тут-то вечернюю тишину прорезал одинокий протяжный и дикий вой, от которого шерсть на затылке встала у всех дыбом. Шнырек даже вскрикнул и выронил мисочку.

— Это Морра, — объяснил Юксаре. — Нынче ночью она поет свою охотничью песню.

— А она умеет плавать? — спросил я.

— Этого никто не знает, — ответил Фредриксон.

Морра охотилась в горах. Она страшно выла, и более дикого воя мне никогда не приводилось слышать. Вот вой стал стихать, потом вдруг приблизился к нам и наконец исчез...

Наступившая тишина была еще ужаснее. Мне показалось, что в свете восходящего месяца я вижу тень Морры, летящей над землей.

Потянуло холодом.

— Смотрите! — воскликнул Юксаре.

Кто-то примчался галопом на берег и стал в отчаянии метаться по нему.

— Вот этого, — мрачно изрек Фредриксон, — сейчас съедят.

— Только не на глазах у муми-тролля! — воскликнул я. — Я спасу его!

— Не успеешь, — охладил меня Фредриксон. Но я уже решился. Я влез на перила и торжественно произнес:

— Могилу безвестного искателя приключений не украшают венками, но вы хотя бы поставьте мне гранитный памятник с изображением двух плачущих Хемулих!

С этими словами я бросился в черную воду и нырнул под кастрюлю Шнырька. Кастрюля булькнула.

Бам! С достойным восхищения самообладанием вывалил я из нее жаркое. Затем быстро поплыл к берегу, подталкивая кастрюлю мордочкой.

— Наберитесь мужества! — кричал я. — К вам плывет Мумитроль! Где это видано, чтобы морры безнаказанно поедали кого им вздумается?

С вершины горного склона с грохотом сорвались камни. Охотничья песнь Морры снова смолкла, слышалось лишь жаркое пыхтенье — все ближе, ближе, ближе...

— Прыгай в кастрюлю! — крикнул я несчастной жертве.

И тут же что-то плюхнулось, а кастрюля по ручки погрузилась в воду. Кто-то цеплялся в темноте за мой хвост... Я поджал его... Ха! Славный подвиг! Герой-одиночка! Началось историческое отступление к пароходу «Морской оркестр», где в тревожном ожидании томились мои друзья.

Спасенный был тяжел, очень тяжел. Но я плыл со скоростью ветра. Под жалобный вой Морры, которая, стоя в одиночестве на берегу, выла от голода и злобы (как выяснилось, плавать она не умела), я одолел пролив, взобрался на борт, сполз на палубу, и, тяжело дыша, вытряхнул спасенного из кастрюли.

Фредриксон зажег керосиновую лампу — поглядеть, кого это я спас.

Я абсолютно уверен, что этот миг был одним из самых страшных моментов моей бурной молодости: передо мной на мокрой палубе сидела не кто иная, как Хемулиха! Как говорили в те времена — живая картина!

Я спас Хемулиху!

В первую минуту, испугавшись, я поднял хвост под углом в 45°, но вспомнив, что я вольный муми-троль, беззаботно сказал:

— Привет! Вот это да! Вот так неожиданность! Никогда бы не подумал!

— Не подумал о чем? — спросила Хемулиха, выбирая куски жаркого из своего зонтика.

— Не подумал бы, что спасу вас, тетенька! — взволнованно произнес я. — То есть что вы, тетенька, будете спасены мной. Получили ли вы, тетенька, мое прощальное письмо?

— Я тебе не тетенька! — буркнула Хемулиха. — И никакого письма я не получала. Ты, наверное, не наклеил на конверт марку. Или написал неправильный адрес. Или забыл отправить письмо. Если ты вообще умеешь писать... — И, поправив шляпку, снисходительно добавила: — Но зато ты умеешь плавать!

— Вы знакомы? — осторожно спросил Юксаре.

— Нет, — сказала Хемулиха. — Я тетка той Хемулихи. — И вдруг спросила: — Кто это размазал желе по всему полу? Эй ты, ушастый, подай-ка мне тряпку, я приберу.

Фредриксон (потому что имелся в виду он) бросился за тряпкой и принес пижаму Юксаре.

— Я ужасно сердита, — объяснила тетка Хемулихи, вытирая пижамой палубу. — А в таких случаях единственное что помогает — уборка.

Мы молча стояли за ее спиной.

— Ну разве я не говорил, что у меня — Предчувствие? — пробормотал Юксаре.

Тут тетка Хемулихи повернула к нему свою некрасивую морду и рявкнула:

— Молчать! Ты слишком мал, чтобы курить. Тебе надо пить молоко, это полезно, и тогда лапы не будут дрожать, морда не пожелтеет, а хвост не облысеет. — И, обращаясь к нам, добавила: — Повезло вам, что меня спасли. Теперь я наведу здесь порядок!

— Взгляну-ка на анероид! — заторопился вдруг Фредриксон и, юркнув в навигационную каюту, запер за собой дверь.

Но анероид, в страхе перед теткой Хемулихи, никак не мог показать правильное направление. Он исправился только после того, как кончилась эта история с клипдассами. Но об этом я расскажу ниже.

А у нас, увы, не осталось ни малейшей надежды избавиться от тетки Хемулихи, присутствия которой на корабле, по моему глубокому убеждению, никто из нас не заслужил.

— Про дальше я еще не успел написать, — обычным своим тоном сказал Муми-папа, вопросительно выглядывая из-за своих мемуаров.

— Знаешь что, — успокоил начинающего автора Муми-тролль, — я уже начинаю привыкать к тому, что ты употребляешь непонятные слова. А эта кастрюля, должно быть, была ужасно большая... А когда ты кончишь книгу, мы разбогатеем?

— Ужасно разбогатеем, — ответил Муми-папа.

— Надеюсь, мы разделим это богатство на всех? — спросил Снифф. — Ведь ты же написал про моего папу — Шнырька? Ты его вывел в герои этой книги? Он ведь у тебя — главный?

— А я считаю, что главный герой — Юксаре, — сказал Снусмумрик. — Это надо же, так поздно узнать, какой у тебя был замечательный папочка! И до чего приятно, что он похож на меня.

— Ваши несчастные папочки — только фон! — закричал Муми-тролль, слегка пнув лапой Сниффа. — Вы должны радоваться, что они вообще попали в книгу!

— Ты почему пнул меня? — заорал Снифф, ощетинив усы.

— Что тут делается? — Муми-мама выпянула из гостиной. — Вы чем-то расстроены?

— Папа читает вслух про свою жизнь, — объяснил Муми-тролль (подчеркнув слово «свою»).

— Ну как, нравится? — спросила мама.

— Захватывающе!

— Ты совершенно прав, — мама улыбнулась сыну и сказала, обращаясь к папе: — Не читай только того, что может дать малышам неправильное представление об их родителях. Вместо этого говори: «многоточие...» Дать тебе трубку?

— Не разрешай ему курить! — завопил Снифф. — Тетка Хемулихи говорила, что от курения начинают дрожать лапы, желтеет морда и лысеет хвост!

— Ну-ну, не огорчайся! — успокоила малыша Муми-мама. — Муми-папа курил всю свою жизнь и не пожелтел, не облысел, да и лапы у него не дрожат...

Она подала папе его пенковую трубку, отворила окна и, напевая, вышла на кухню — варить кофе.

В открытое окно веранды ворвался вечерний морской ветерок.

— Как же вы могли забыть про Шнырька, когда спускали пароход на воду? — упрекнул Муми-папу Снифф. — Навел он когда-нибудь порядок в своей пуговичной коллекции?

— Разумеется, он не раз наводил в ней порядок, — отвечал папа. — И все время изобретал новую систему. Раскладывал пуговицы то по цвету или по величине, по форме или по материалу, а иногда в зависимости от того, насколько они ему нравились.

— Вот здорово! — мечтательно прошептал Снифф.

— Меня лично крайне огорчает то, что моему папаше измазали всю пижаму этим желе, — никак не мог успокоиться Снусмумрик. — В чем же он потом спал?

— В моих пижамах, — разъяснил Муми-папа, пуская большие клубы дыма в потолок.

Снифф зевнул:

— Может, на летучих мышей поохотимся?

— Давайте! — поддержал его Снусмумрик.

— Пока, папа! — сказал Муми-тролль. Оставшись один, Муми-папа, немного поразмыслив, принялся снова писать...

А что ему еще было делать в таком сплошном одиночестве?

На следующее утро тетка Хемулихи проснулась в зверски хорошем настроении. Разбудив нас в шесть часов, она протрубила:

— Доброе утро! Доброе утро! Доброе утро! Возьмемся за дело! Сначала небольшое состязание — штопаем носки: я только что заглянула в ваши ящики. Затем в награду за усердие несколько воспитательных игр. Это так полезно. А что там у нас для укрепления здоровья?

— Кофе, — на всякий случай сказал Шнырек.

— Каша, — сказала тетка. — Кофе пьют только в старости и еще, если страдают трясучкой.

— А я знаю одного, который умер от каши, — пробормотал Юксаре. — Она попала ему в горло, и он подавился.

— Любопытно, что бы сказали ваши папы и мамы, если б видели, что вы пьете кофе, — фырчала тетка Хемулихи. — Они бы заплакали! И вообще, как обстоит дело с вашим воспитанием? Вы воспитанны или нет? А может, вы так и родились трудновоспитуемыми?

— Я родился при самом необыкновенном сочетании звезд, — воспользовавшись паузой, вставил я. — Меня нашли в маленькой

ракушке, дно которой было выстлано бархатом!

— Не желаю, чтобы меня воспитывали, — отчеканил Фредриксон. — Я — изобретатель и делаю, что хочу.

— Извините, — воскликнул Шнырек, — но мои папа и мама уже не смогут расплакаться. Они погибли во время генеральной уборки!

— Ха! — хмыкнул Юксаре, с угрожающим видом набивая свою трубку. — Терпеть не могу распоряжений. Они напоминают мне о стороже.

Тетка Хемулихи нас рассматривала и потом объявила:

— С этого дня заботиться о вас буду я!

— Тетенька, не надо! — запротестовали мы хором. Но она, покачав головой, с непреклонным видом произнесла:

— Это мой Долг.

После этих страшных слов тетка исчезла, и, без сомнения, для того, чтобы выдумать еще какую-нибудь новую воспитательную чертовщину.

Невероятно жалея друг друга, мы заползли в палатку на корме.

— Клянусь своим хвостом — никогда и никого больше не буду спасать! — воскликнул я.

— Правильно, — одобрил Юксаре. — Эта тетка способна почти на все. В любой момент она может вышвырнуть мою трубку за борт или запрячь меня в работу! Она может придумать все что угодно!

— Может, вернется Морра, — с надеждой в голосе прошептал Шнырек. — Или кто-нибудь другой, кто будет так добр и съест ее? Извините! Я нехорошо сказал?

— Пожалуй, — откликнулся Фредриксон, но немного погодя добавил: — В этом, однако, что-то есть.

Мы погрузились в молчание, глубоко соболезнуя самим себе.

— Скорее бы стать взрослым! — размечтался я. — Взрослым и знаменитым! Тогда можно будет запросто справиться с этой теткой.

— А как стать знаменитым? — спросил меня Шнырек.

— По-моему, довольно легко! Нужно только сделать то, до чего никто другой еще не додумался... Или что-то старое вывернуть на новый лад...

— Что, например? — полубопытствовал Юксаре.

— Например, летающий речной пароход, — пробормотал Фредриксон, и его маленькие глазки засветились.

— Не думаю, что быть знаменитым приятно, — размышлял вслух Юксаре. — Может, только в самом начале, а потом это становится совершенно обычным, а под конец от знаменитости голова кругом идет, точь-в-точь как бывает, если долго катаешься на карусели.

— А что такое карусель? — спросил я.

— Машина, — сразу оживился Фредриксон. — Вот так она работает. — И он достал ручку и бумагу.

Меня никогда не переставала удивлять преданность Фредриксона машинам. Они околдовали его. Я же, наоборот, ничего такого в них не находил. Водяное колесо — это еще куда ни шло, но даже обыкновенная застежка «молния» вызывает у меня недоверие. Юксаре знал одного, у которого брюки застегивались на «молнию». И вот однажды «молнию» заело, и она никогда больше не закрывалась. Вот ужас!

Я хотел было поделиться с друзьями своими размышлениями о застежках «молниях», но в этот самый момент мы услышали какой-то очень странный звук. Он напоминал глухое и отдаленное лязганье жестяной трубы. Нас это насторожило.

Фредриксон выпянул из палатки и мрачно произнес единственное слово:

— Клипдассы!

Здесь необходимо кое-что объяснить. Пока мы обсуждали последние события, течение вынесло «Морской оркестр» в дельту реки, населенной клипдассами. Клипдассы — общительные животные, которые ненавидят одиночество. На речном дне они вырывают клыками каналы и образуют там, внизу, целые колонии. Их щупальцы оставляют после себя чуть клейкий след, из-за этого многие называют их клейкдассами и клейклапами.

Клипдассы чаще всего милы, но они беспрестанно грызут и кусают все подряд, все, что попадаете им на глаза, особенно то, что они никогда прежде не видели. Кроме того, у клипдасс есть одна неприятная особенность: случается, что они откусывают чужой нос, если им кажется, что нос этот слишком велик. Теперь вам, надеюсь, понятно, почему мы так забеспокоились?

— Сиди в банке! — крикнул Фредриксон своему племяннику.

«Морской оркестр» застрял в целом море клипдасс. Угрожающе размахивая бакенбардами, они разглядывали нас своими круглыми

голубыми глазками.

— Расступитесь, будьте так добры, — попросил Фредриксон.

Но клипдассы только теснее смыкали кольцо вокруг речного парохода, а некоторые уже начали вползать на борт. Когда первый из них вскарабкался на перила, за навигационной каютой появилась тетка Хемулихи.

— В чем дело? — завопила она. — Это еще что за типы? Вход абсолютно запрещен, я не могу допустить, чтобы эта пакость помешала нашим воспитательным мероприятиям!

— Не пугай их! Они рассердятся, — предупредил Фредриксон.

— Это я рассердилась! Вон! Вон отсюда! Прочь! — закричала тетка Хемулихи и принялась колотить клипдасс — тех, что поближе к ней, — по головам.

Клипдассы тотчас обратили взгляды на тетку Хемулихи.

Затихнувшее было глухое лязганье возобновилось с новой силой. И тут...

Все произошло с невероятной быстротой. Тысячи кишащих на палубе клипдасс ринулись через перила в воду, унося на своих спинках, будто на живом ковре, тетку Хемулихи. Дико крича и размахивая зонтиком, она перевалилась через поручни, и вся компания сгнула в неизвестности...

Снова все стало тихо и мирно. «Морской оркестр» поплыл дальше, словно ничего и не произошло.

— М-да... — протянул Юксаре и обратился ко мне: — Ты не собираешься снова ее спасти?

Рыцарские чувства призывали меня тотчас поспешить на выручку тетки Хемулихи, но мои дурные врожденные наклонности подсказывали: это ни к чему. И я пробормотал, что, дескать, уже слишком поздно. (Так оно, впрочем, и было.)

— Вот и конец ей, — философски заметил Юксаре.

— Печальная история, — согласился я.

— Извините! Это я виноват? — спросил Шнырек. — Это я первый сказал: пусть кто-нибудь сжалится над нами и съест ее! А что, это дурно, что мы ни капельки не расстраиваемся? Никто ему не ответил.

Я спрашиваю вас, дорогие читатели, что бы вы сделали в таком щекотливом положении?

Ведь я уже спас эту тетку один раз, а морры куда хуже, чем клипдассы, которые, вообще говоря, довольно добрые... Может, это для тетки Хемулихи только небольшая перемена обстановки? Может, они ей только немного подгрызут физиономию и от этого вид у нее станет более приятный? Как вы думаете?

Что бы там ни было, солнце светило по-прежнему, а мы драили палубу (она стала совсем клейкой от нашествия клипдасс) и прихлебывали хороший черный кофе. «Морской оркестр» скользил среди бесчисленных островков.

— Им когда-нибудь будет конец? — спросил я. — Куда мы приплывем потом?

— Куда-нибудь... или так... никуда, — произнес Юксаре, набивая свою трубку. — И зачем? Ведь нам и здесь хорошо?

Не буду отрицать, что нам было хорошо, но я стремился дальше! Мне хотелось чего-нибудь новенького. Что угодно, но только пусть что-нибудь случится (конечно, кроме нашествия хемулей).

У меня было ужасное ощущение, что все великие приключения непрерывно случаются, сменяя друг друга, где-то там, где меня нет. Необычайные приключения, которые никогда больше не повторятся. Я торопился, ужасно торопился! Стоя на носу, я нетерпеливо вглядывался в будущее, осваивая результаты Опыта, который успел уже приобрести. Их было пока семь. Вот какие:

1. Следи за тем, чтобы дети муми-троллей рождались в благоприятный с точки зрения астрологии момент, и обеспечь им романтическое вступление в мир. (Положительный пример: мой талант. Отрицательный: хозяйственная сумка.)

2. Не рассказывай о хемулях тем, кто торопится. (Положительный пример: Фредриксон. Отрицательный: Ежиха.)

3. Никогда не знаешь, что может попасть в сеть! (Положительный пример: анероид Фредриксона.)

4. Никогда не крась вещи только потому, что у тебя осталась краска. (Отрицательный пример: банка Шнырька.)

5. Не бойся никого, даже если этот кто-то очень большой. (Положительный пример: дронт Эдвард.)

6. Будь храбрым, даже если ты маленький. (Положительный пример: я.)

7. Прежде чем кого-нибудь спасти, выясни, кого ты спасаешь!
(Отрицательный пример: тетка Хемулихи.)

Пока я обдумывал все эти важные истины, пароход миновал последний островок; сердце внезапно подскочило у меня в груди, и я воскликнул:

— Фредриксон! Впереди — море!

Наконец Что-то случилось! Прямо передо мной — сверкающее, лазурное, сказочное море!

— Оно слишком большое! — захныкал Шнырек и заполз в свою банку. — Извините, но у меня болят глаза, и я не знаю, что и думать!

— Зато оно голубое и мягкое! — закричал Юксаре. — Давайте поплывем туда и будем только спать, качаясь на волнах, и никогда никуда не вернемся...

— Как хатифнатты? — спросил Фредриксон.

— Кто, кто? — поинтересовался я.

— Хатифнатты, — повторил Фредриксон. — Они только и знают, что плывут да плывут... Нет им покоя.

— Вот именно! — обрадовался Юксаре. — И никогда не спят, они спать не могут. Они не могут даже говорить, они только стремятся доплыть до горизонта.

— И удалось это кому-нибудь из них? — полюбопытствовал я.

— Этого никто не знает, — пожал плечами Юксаре.

Мы встали на якорь у скалистого берега. Даже сегодня мурашки пробегают у меня по спине, когда я шепчу про себя: «Мы встали на якорь у скалистого берега... Впервые в жизни видел я рыжие скалы и прозрачных медуз; это удивительно маленькие, похожие на прозрачные зонтики существа, способные дышать и двигаться».

Мы вышли на берег — собирать ракушки. Хоть Фредриксон и уверял, он, мол, хочет обследовать место стоянки судна, что-то подсказывало мне: и он втайне заинтересовался ракушками. Прибрежные скалы перемежались с песчаными бережками, и камешки здесь лежали совершенно гладкие и круглые, как мячик, или вытянутые, как яйца.

Вода была такой чистой и прозрачной, что под ее зеленоватой толщей просматривалось волнистое песчаное дно. Скалы нагрелись от солнца. Ветер улегся, и на горизонте не было ничего, кроме светлой водной глади.

Огромный мир казался мне в ту пору беспредельным, а все маленькое куда более приятным, чем сейчас. Все маленькое было моим, не знаю, понятно ли вам, что я имею в виду... И как раз в эту минуту мне в голову пришла новая важная мысль.

Любовь муми-троллей к морю, должно быть, врожденная, и я с удовлетворением вижу, как она пробуждается и в моем сыне.

Но, дорогой читатель, согласитесь, что суша вызывает у нас еще более сильное восхищение.

Когда плывешь по морю, горизонт представляется бесконечным и непоколебимым. Нормальные же мумитролли больше всего любят переменчивое и причудливое, неожиданное и своеобразное: берег, который и земля и вода, солнечный заход, который и мрак и свет, и весну, которая и холод и тепло.

Но вот снова наступили сумерки. Они опустились совсем бесшумно, сгущались медленно и осторожно, чтобы у дня хватило времени устроиться на ночлег. Розоватый западный край неба с разбросанными по нему маленькими тучками был похож на взбитые сливки, и все это отражалось в воде. Море было блестящим, как зеркало, и не таило в себе никакой опасности.

— Видел ты когда-нибудь тучу близко? — спросил я Фредриксона.

— Да, — ответил он. — В книге.

— Мне кажется, она похожа на небесный мох, — заметил Юксаре.

Мы сидели на склоне горы. Приятно пахло водорослями и чем-то еще, должно быть, морем. Я чувствовал себя таким счастливым и даже не боялся, что это чувство исчезнет.

— Ты счастлив? — спросил я у Фредриксона.

— Здесь хорошо, — смущенно пробормотал Фредриксон (и я понял, что он тоже счастлив).

И тут мы увидели целую флотилию маленьких лодок. Легкие, как бабочки, они скользили по своему собственному отражению в воде. В лодках, тесно прижавшись друг к другу, молча сидели какие-то серовато-белые существа. Их было очень много, и они неотрывно глядели в море.

— Хатифнатты, — произнес Фредриксон. — Плывут с помощью электричества.

— Хатифнатты, — взволнованно прошептал я. — Те, что только и знают плыть да плыть и никогда никуда не приплывают...

— Они заряжаются во время грозы, — объяснял Фредриксон. — И тогда жгут, как крапива. И еще они ведут порочный образ жизни.

— Порочный образ жизни? — очень заинтересовался я. — Что это значит?

— Точно не знаю. Наверно, топчут чужие огороды и пьют пиво.

Мы долго глядели на хатифнаттов, уплывающих навстречу бесконечному горизонту. И у меня зародилось странное желание последовать за ними и тоже вести порочный образ жизни. Но вслух об этом я не сказал.

— Ну а завтра мы выйдем в открытое море? — внезапно спросил Юксаре.

Фредриксон взглянул на «Морской оркестр».

— Это же речной пароход, — с задумчивым видом сказал он. — Ходит на водяных колесах. Без парусов...

— Мы сыграем в орлянку, — сказал, поднявшись, Юксаре. — Шнырек, давай сюда пуговицу!

Шнырек, собиравший ракушки в прибрежной воде, пулей выскочил на берег и начал высыпать содержимое своих карманов.

— Одной пуговицы хватит, дорогой племянник!

— Пожалуйста! — обрадовался Шнырек. — Какую лучше, с двумя или с четырьмя дырочками? Костяную, плюшевую, деревянную, стеклянную, металлическую или перламутровую? Однотонную, пеструю, в крапинку, полосатую или клетчатую? Крупную, овальную, вогнутую, выпуклую, восьмиугольную или...

— Можно обыкновенную брючную, — остановил его Юксаре. — Ну, я бросаю. — И он закричал: — Орел! Уплываем в море! Что случилось?

— Дырочка сверху, — объяснил Шнырек и прижался носом к пуговице, чтобы получше разглядеть ее в сумерках.

— Ну! — сказал я. — Как она лежит?

В этот миг Шнырек взмахнул усами, и пуговица скользнула в горную расселину.

— Ай! Извините! — воскликнул Шнырек. — Хотите другую?

— Нет, — сказал Юксаре. — В «орел или решку» можно играть один раз. А теперь будь что будет, но я хочу спать.

Мы провели довольно мучительную ночь на борту парохода. Одеяло было неприятно клейким, словно измазанное патокой, дверные ручки — липкими; зубными щетками, домашними туфлями и вахтенным журналом Фредриксона пользоваться было нельзя!

— Племянник! — с упреком сказал он. — Это называется ты сегодня убирался?

— Извините! — воскликнул Шнырек. — Я вовсе не убирался!

— И в табаке полно мусора, — проворчал Юксаре, любивший курить в постели.

В общем, все было очень неприятно. Однако малопомалу мы успокоились и свернулись клубочками на менее клейких местах. Но всю ночь нам мешали странные звуки, которые, казалось, доносились из навигационной каюты.

Меня разбудил какой-то необычный и зловещий звон пароходного колокола.

— Вставайте! Вставайте и посмотрите! — кричал за дверью Шнырек. — Кругом вода! Как величественно и пустынно! А я забыл на берегу самую лучшую свою тряпочку, которой вытирают перья!

Мы выскочили на палубу. «Морской оркестр» как ни в чем не бывало плыл по морю, лопастные колеса вертелись спокойно и уверенно, и было в этом какое-то таинственное очарование.

Даже сегодня я не могу понять, как это Фредриксону с помощью двух шестеренок удалось придать пароходу такой плавный и быстрый ход. Однако любые предположения здесь все равно бесплодны. Если хатифнатт может передвигаться с помощью собственной наэлектризованности (которую некоторые называли тоской или беспокойством), то никого не должно удивлять, что кораблю достаточно двух шестеренок. Ну ладно, я оставляю эту тему и перехожу к Фредриксону, который, нахмутив лоб, разглядывал обрывок якорного каната.

— Как я зол, — бубнил он себе под нос. — Просто страшно зол. Никогда так не злился. Его изгрызли!

Мы переглянулись.

— Ты ведь знаешь, какие у меня мелкие зубы, — сказал я.

— А я слишком ленив, чтобы перегрызть такой толстый канат, — заметил Юксаре.

— Я тоже не виноват! — завопил Шнырек, хотя оправдываться ему было совсем не за чем... Никто никогда не слышал, чтобы он говорил неправду, даже если речь шла о его пуговичной коллекции (что достойно удивления, ведь он был настоящим коллекционером). Видно, у этого зверька было слишком мало фантазии.

И тут мы услышали легкое покашливание, а повернувшись, увидели очень маленького клипдасса. Он сидел под тентом и щурился.

— Вот как, — сказал Фредриксон. — Вот как?! — с ударением повторил он.

— У меня режутся зубки, — смущенно объяснил маленький Клипдасс. — Мне просто необходимо что-нибудь грызть.

— Но почему именно якорный канат? — удивился Фредриксон.

— Я подумал, что он очень старый и не страшно, если я его перегрызу, — оправдывался Клипдасс.

— А что ты делаешь на борту? — спросил я.

— Не знаю, — откровенно признался Клипдасс. — Иногда меня осеняют разные идеи.

— А где же ты спрятался? — удивился Юксаре.

И тогда Клипдасс не по годам умно ответил:

— В вашей чудесной навигационной каюте! (Точно, навигационная каюта оказалась тоже клейкой.)

— Послушай-ка, Клипдасс, что, по-твоему, скажет твоя мама, когда узнает, что ты сбежал? — спросил я.

— Наверно, будет плакать, — ответил Клипдасс, заканчивая эту удивительную беседу.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ,

в которой мое морское путешествие достигает своей кульминации и заканчивается полной неожиданностью

«Морской оркестр» одиноко плыл по морю. Солнечные голубовато-прозрачные дни однообразно следовали один за другим. Скопища морских призраков беспорядочно мелькали перед штевнем нашего судна, а мы сыпали овсянку прямо на хвосты плывущих в кильватере русалок. Порой, когда ночь опускалась над морем, мне нравилось сменять Фредриксона у руля. Озаренная лунным светом палуба, которая то тихо вздымалась, то опускалась, тишина и бегущие волны, тучи и мерцающая линия горизонта — все вместе вызывало в моей душе приятное и волнующее чувство. Я казался себе очень значительным, хоть и очень маленьким (но главным образом, конечно же, значительным).

Иногда я видел, как мерцает в темноте трубка, и на корму, крадучись и шлепая лапами, перебирался и садился рядом со мной Юксаре.

— Правда, чудесно ничего не делать, — сказал он однажды ночью, выбивая трубку о поручни парохода.

— Но мы же делаем! — удивился я. — Я веду пароход, а ты куришь.

— Куда же ты нас приведешь? — съехидничал Юксаре.

— Это — дело другое, — заметил я, потому что уже тогда был склонен к логическому мышлению. — Но ведь мы говорили о том, чтобы делать какие-то вещи, а не о том, что делают вообще. У тебя что — снова Предчувствия?

— Нет, — зевнул Юксаре. — Хупп-хэфф! Мне совершенно все равно, куда мы приплывем. Все края одинаково хороши. Пока, спокойной ночи!

— Привет, привет! — сказал я.

Когда на рассвете Фредриксон сменил меня у руля, я мельком упомянул об удивительном и полном безразличии Юксаре к

окружающему.

— Гм! — хмыкнул себе под нос Фредриксон. — А может, наоборот, его интересует все на свете? Спокойно и в меру? Нас всех интересует только одно. Ты хочешь кем-то стать. Я хочу что-то создавать. Мой племянник хочет что-то иметь. Но только Юксаре, пожалуй, живет по-настоящему.

— Подумаешь, жить! Это всякий может, — обиделся я. Фредриксон опять хмыкнул и, как обычно, тут же исчез со своей записной книжкой, в которой чертил конструкции удивительных, похожих на паутину и летучих мышей машин.

А я думал: «На свете есть столько интересного, аж шерсть встает дыбом, когда думаешь об этом...»

Одним словом, в полдень Шнырек предложил послать телеграмму маме маленького Клипдасса.

— У нас нет адреса. Нет и телеграфной конторы, — сказал Фредриксон.

— Ну конечно! — расстроился Шнырек. — Подумать только, какой же я глупый! Извините! — И он снова смущенно залез к себе в банку.

— Что такое телеграфная контора? — высунулся Клипдасс, живший в банке вместе со Шнырьком. — Ее можно съесть?

— Меня не спрашивай! — ответил Шнырек. — Это что-то огромное и непонятное. Посылают на другой конец света маленькие значки... и там они становятся словами!

— Как это посылают? — недоумевал Клипдасс.

— По воздуху... — неопределенно пояснил Шнырек, помахав лапками. — И ни одно слово по дороге не теряется!

— Ого! — удивился Клипдасс. После этого он весь день вертел головой, высматривая телеграфные знаки в воздухе.

Около трех часов Клипдасс увидел большую тучу. Белоснежная, пушистая, она низко-низко плыла над землей, и вид у нее был не совсем обычный.

— Точь-в-точь как в книжках с картинками, — заметил Фредриксон.

— А ты видел книжки с картинками? — удивился я.

— Ясное дело, — ответил он. — Одна называлась «Путешествие по океану».

Проплыв мимо нас с наветренной стороны, туча остановилась, и вдруг произошло нечто совершенно удивительное, чтобы не сказать — ужасное: она повернула назад и начала нас преследовать!

— Извините, а туча не опасна? — забеспокоился Шнырек.

Никто из нас ничего не мог об этом сказать. Туча плыла теперь в нашем кильватере; увеличив скорость, она перевалилась через поручни и мягко плюхнулась на палубу, почти совсем накрыв собой банку Шнырька. Потом она поудобнее устроилась между поручнями, сжалась, и клянусь хвостом, эта удивительная туча тут же заснула у нас на глазах!

— Ты видел когда-нибудь нечто подобное? — спросил я у Фредриксона.

— Никогда, — уверенно и очень неодобрительно отозвался он.

Клипдасс, подойдя к туче, лизнул ее и сказал, что на вкус она такая же, как мамина карандашная резинка.

— Зато мягкая, — сказал Юксаре.

Он сделал для себя в туче подходящую ямку и нырнул в нее, и туча тут же накрыла его, словно перина, словно мягкое одеяло из гагачьего пуха. Мы ей явно понравились.

Но это удивительное происшествие значительно усложнило дальнейшее плавание нашего корабля.

В тот же день, как раз перед заходом солнца, небо вдруг странно изменилось. Оно стало желтым, но не приятного нежно-желтого цвета, а грязноватым и призрачным. Низко повиснув над горизонтом и грозно нахмутив брови, плыли черные тучи.

Теперь мы все сидели под тентом. Шнырек и Клипдасс перекатили свою банку из-под кофе на корму, где ей ничто не угрожало.

Солнце превратилось в тускло светящийся диск, вода почернела и пошла свинцовой рябью, ветер испуганно завыл в штаге. Морские привидения и русалки исчезли, будто их сдуло ветром. На душе у нас было скверно.

— Проверь-ка анероид, — с тревогой сказал Фредриксон.

Я перелез через тучу и открыл дверь в навигационную каюту. Представьте себе мой ужас, когда я обнаружил, что анероид показывает 670 — самую низкую цифру, до какой может опуститься стрелка!

Моя мордочка похолодела от страха, я наверняка побледнел, стал белый, как простыня, или, может быть, пепельный. До чего интересно! Вернувшись на корму, я воскликнул:

— Видите, я стал белый, как простыня?!

— По-моему, ты такой, как всегда, — сказал Юксаре. — Что показывает анероид?

— Шестьсот семьдесят! — ответил я (чуть обиженно, как вы понимаете).

Меня всегда удивляло, что торжественные минуты жизни часто бывают испорчены ничтожными замечаниями, даже если их делают не со зла, а по глупости. Я считаю, что даже из самого ужасного положения надо искать выход. Отчасти имея в виду данную ситуацию, отчасти потому, что настоящий страх как-то уменьшается, если начнешь его преувеличивать. Кроме того, приятно производить на кого-нибудь впечатление. Но такому, как Юксаре, этого не понять. Ведь умственные способности распределяются неравномерно, и не мне судить о том, для чего в жизни нужны такие, как Юксаре.

Между тем Фредриксон, похлопывая ушами, принюхивался к ветру и озабоченно осматривают «Морской оркестр».

— Хорошо построен этот пароход, — сказал он наконец. — Он справится. Пусть Шнырек и Клипдасс заберутся в банку и закроют крышку, потому что сейчас начнется шторм.

— А тебе приходилось раньше попадать в шторм? — осторожно спросят я.

— Ясное дело, приходилось, — отвечал Фредриксон. — В книжке с картинками «Путешествие по океану». Выше, чем там, волн не бывает.

И тут налетел шторм. Он возник внезапно, как все настоящие штормы. В первый момент «Морской оркестр» от неожиданности чуть было не потерял равновесие, но быстро оправился и, тарахтя мотором, стал прорываться сквозь бушующую стихию.

Солнечный тент сорвало, и он, будто листок, полетел над морем. (Это был прекрасный, прямо-таки замечательный тент. Надеюсь, тот, кто нашел его, обрадовался.) Банка Шнырька закатилась под перила, и всякий раз, когда «Морской оркестр» взлетал на волну, все ее содержимое — пуговицы, подвязки, консервные ножи, гвозди, бисер — издавало ужасный грохот. Шнырек кричал, что ему худо, но

ни один из нас не мог помочь ему. Мы хватались за что попало и, охваченные ужасом, не спускали глаз с потемневшего моря. Солнце исчезло. Горизонт исчез. Все вокруг было иное — чужое и враждебное! Морская пена летела, обдавая нас шипящими брызгами, а за поручнями парохода властвовал черный хаос. Внезапно с ужасающей ясностью я понял, что ничего не знаю ни о море, ни о кораблях. Я окликнул Фредриксона, но он меня не услышал. Я был совершенно одинок, и некому было мне помочь. Но я не испытывал ни малейшего желания отогнать страх. Напротив, дорогой читатель! Ведь даже из самого ужасного положения надо извлечь что-то хорошее! И, собравшись с духом, я подумал: «Если зажмурюсь, если притворюсь, что меня вообще нет на свете, может, все и обойдется... И вообще это не имеет ко мне ни малейшего отношения! Я случайно влип в эту историю...» Я зажмурился и, словно став сразу еще меньше, снова и снова повторял: «Ничего, ничего! Я совсем маленький, я сижу на качелях в Хемулихином саду и скоро пойду есть овсяную кашу...»

— Послушай! — закричал сквозь бурю Фредриксон. — Они стали меньше!

Я его не понял.

— Меньше! — закричал он. — Волны куда меньше, чем в книжке с картинками.

Но я никогда не видел волн в той книжке с картинками и продолжал жмуриться, мысленно крепко держась за Хемулихины качели. Это помогло. Вскоре я и в самом деле почувствовал, что качели раскачиваются медленнее, а буря все дальше и дальше откатывается от нас и никакой опасности больше нет. Тут я открыл глаза и увидел невероятное: «Морской оркестр», ведомый огромным белым парусом, покачивается высоко в воздухе. А далеко внизу, под нами, все еще бушует шторм, мечутся черные волны. Но теперь шторм казался игрушечным и был совсем не страшен.

— Мы летим! Летим! — кричал Фредриксон.

Он стоял рядом со мной, облокотясь о поручни, и смотрел на большой белый воздушный шар на верхушке пароходной оснастки.

— Как тебе удалось запрячь нашу тучу? — спросил я.

— Она сама взлетела, — отвечал он. — Теперь у нас летающий речной пароход! — И Фредриксон погрузился в раздумье.

Ночь медленно светлела. Небо стало серым, было очень свежо. Я уже стал забывать, что пытался спрятаться от шторма в Хемулихином саду. Во мне снова проснулись уверенность, любопытство, и мне захотелось кофе, ведь было ужасно холодно. Я осторожно потряс лапами, проверил, целы ли хвост и ушки. Слава богу, они не пострадали.

И Юксаре был здесь. Укрывшись за банкой Шнырька, он пытался раскурить свою трубку.

Но «Морской оркестр» представлял жалкое зрелище. Мачта сломалась, лопастные колеса смыло. Печально колыхались на ветру оторванные штаги, во многих местах продавились поручни. Вся палуба была завалена водорослями, какими-то обломками, ворохами красноватых листьев рдест^[4] и даже упавшими в обморок морскими привидениями. Но хуже всего было то, что с крыши навигационной каюты исчезла позолоченная луковица.

Туча медленно снижалась, и речной пароход вместе с ней опустился. Когда небо на востоке окрасилось багрянцем и нас начала качать мертвая зыбь — отголосок бури, я услышал, как грохочут пуговицы в банке Шнырька. А белая туча из книжки с картинками снова заснула между поручнями.

— Дорогая моя команда! — торжественно произнес Фредриксон. — Мы выдержали бурю. Вытащите моего племянника из банки.

Мы отвинтили крышку, и из банки вылез жалкий, с позеленевшей мордочкой Шнырек.

— Лучшая на свете пуговица, — усталым голосом сказал он. — Что я такого сделал? За что мне такое? О, что за жизнь, что за беды и напасти... Вы только взгляните на мою коллекцию! Ай!

Клипдасс тоже вылез из банки и, приняхавшись к ветру, фыркнул:

— Я хочу есть!

— Извините! — воскликнул Шнырек. — Я не в силах даже подумать о том, чтобы приготовить еду.

— Успокойся, — сказал я. — Я сварю кофе.

Оказавшись на носу, я бросил смелый взгляд на сломанные поручни, на море и подумал: «Теперь во всяком случае я и о тебе,

море, кое-что знаю! И о пароходе тоже! И о тучках! В следующий раз не стану жмуриться и делаться меньше!»

Мы уже пили кофе, когда взошло солнце и озарило весь мир. Ласково и нежно согрело оно мой замерзший живот и подкрепило мужество. Я вспомнил, как солнце восходило в первый день моей свободы после исторического бегства и как оно светило в то утро, когда я строил дом на песке. Я родился в августе под гордым знаком Льва и Солнца, и мне было предназначено следовать дорогой приключений, обозначенной моими путеводными звездами.

«Ах, эти бури! Они нужны, верно, для того, чтобы после них восходило солнце. А навигационную каюту когда-нибудь снова увенчает новая позолоченная луковица», — подумал я, допивая кофе.

Я чувствовал, что обретаю покой.

И вот страница перевернута, я приближаюсь к новой главе своей жизни. Впереди берег — большой одинокий остров посреди моря! Гордый силуэт чужого побережья!

Стоя на голове, я закричал:

— Фредриксон! Сейчас снова что-нибудь случится!

Шнырек тут же воспрянул духом и начал перед высадкой на берег приводить в порядок свою банку. Клипдасс на нервной почве укусил себя за хвост, а Фредриксон заставил меня драить металлические детали, какие только оставались на пароходе. (Юксаре, как всегда, ничего не делал.) Мы плыли прямо к незнакомому берегу. Там, на высоком холме, можно было различить что-то похожее на маяк. Башня медленно покачивалась, как-то странно вытягиваясь то в одну, то в другую сторону. Но у нас было столько дел, что мы решили не обращать на нее внимания.

Когда «Морской оркестр» легко коснулся берега, мы, аккуратно причесанные, с вычищенными зубами и хвостами, собрались у трапа.

И тут вдруг высоко над нашими головами громовой голос произнес страшные слова:

— Будь я моррой, если это не Фредриксон и его подозрительная компания! Наконец-то я вас поймал!

Это был дронт Эдвард. И он был ужасно злой.

— Вот что случилось в дни моей юности! — сказал Муми-папа и закрыл тетрадь.

— Читай дальше! — закричал Снифф. — Что было потом? Дронт Эдвард пытался растоптать вас насмерть?

— В следующий раз, — таинственно пообещал папа. — Ну как, интересно, а? Видишь ли, когда пишешь книгу, самое главное — закончить главу именно тогда, когда всего страшнее.

В этот день Муми-папа расположился на песчаном берегу со своим сыном, Снусмумриком и Сниффом. Когда он читал об ужасной буре, все взгляды была прикованы к морю, которое, как всегда поздним летом, ворчливо выбрасывало на берег волну за волной, и всем слушателям казалось, что они видят «Морской оркестр», этот заколдованный корабль, летящий сквозь бурю, и своих отцов на его борту.

— Как ему, наверно, было худо в кофейной банке, — пробормотал Снифф.

— Становится прохладно, — сказал Муми-папа. — Пройдемся немного?

Они зашагали прямо по водорослям в сторону мыса, и ветер дул им в спину.

— А ты можешь издавать такие звуки, как клипдассы? — спросил Снусмумрик Муми-папу.

Папа попробовал.

— Нет, огорчился он. — Получается плохо. Это должно звучать так, словно трубят в жестяную трубу.

— По-моему, что-то вроде этого получилось, — произнес Муми-тролль. — Папа, а папа? Ты разве потом не сбежал с хатифнаттами?

— Ну да, — смущенно признался папа, — может быть. Но это было гораздо-гораздо позднее. Я думаю, не стоит даже писать об этом.

— По-моему, ты должен это сделать! — воскликнул Снифф. — Ты что, стал потом вести порочный образ жизни?

— Замолчи! — оборвал его Муми-тролль.

— Все-все-все! — примирительно сказал папа. — Лучше посмотрите, там что-то лежит. Наверное, прибило к берегу! — Бегите! Попробуйте выловить!

Они бросились бежать.

— Что это такое? — спросил Снусмумрик.

Добыча была большая, тяжелая и формой напоминала луковицу. Наверняка она ужасно долго плавала в море, потому что была опутана морской травой и застрявшими в ней ракушками. Кое-где на треснувшем дереве виднелись остатки позолоты.

Муми-папа взял деревянную луковицу и долго разглядывал. Чем дольше он на нее глядел, тем шире раскрывались его глаза, и под конец он, прикрыв их лапой, вздохнул.

— Малыши, — торжественно, чуть дрогнувшим голосом произнес он. — То, что вы видите, — луковица навигационной каюты речного парохода «Морской оркестр»!

— О! — благоговейно произнес Муми-тролль.

— А теперь, — сказал растроганный воспоминаниями папа, — теперь я думаю начать большую новую главу и поразмыслить над этой находкой наедине с самим собой. А вы бегите и поиграйте в пещере!

С этими словами Муми-папа направился дальше, к морскому мысу, держа в одной лапе позолоченный купол, а в другой — мемуары.

— В молодости я был бравый муми-тролль, — сказал он самому себе. — Да и теперь я тоже не так уж плох, — добавил он, весело и тяжело ступая по земле.

ГЛАВА ПЯТАЯ,

где я (после короткого испытания моей сообразительности) даю описание семьи Мюмлы-мамы и праздника больших сюрпризов, на котором я из рук Самодержца принимаю волшебные подарки

Я и по сей день твердо уверен в том, что дронт Эдвард хотел придавить нас своей задницей. Потом, без сомнения, он стал бы горько плакаться и устроил бы пышные похороны, тщетно пытаясь успокоить свою совесть. Но очень быстро забыл бы это печальное происшествие и уселся бы на каких-нибудь других своих знакомых, тех, на кого в ту минуту был зол.

Как бы там ни было, именно в тот решительный момент у меня родилась идея. Как обычно, в голове щелкнуло, и идея появилась на свет. Я храбро подошел к свирепой громадине и сказал, сохраняя спокойствие:

— Привет, дядя! Рад повстречаться с тобой снова. У тебя что, опять болят ноги?

— И ты осмеливаешься спрашивать меня об этом, водяная блоха? — проревел он. — Да, у меня болят ноги. Да, у меня болит хвост! А виноваты вы!

— В таком случае, — сказал я спокойно, — вы, дядя, очень обрадуетесь нашему подарку: это настоящий спальный мешок из гагачьего пуха! Он сделан специально для дронтов, которые всегда садятся на что-нибудь твердое!

— Спальный мешок? Из гагачьего пуха? — переспросил дронт Эдвард и близоруко взглянул на нашу тучу. — Вы, морровы щетки для мытья посуды, конечно, надуете меня. Эта подушка поди набита камнями...

Он вытащил тучу на берег и подозрительно обнюхал ее.

— Садись, Эдвард! — крикнул Фредриксон. — Тебе будет чудесно: мягко и уютно!

— Это ты уже говорил, — проворчал дронт. — Тогда ты тоже сказал: «мягко и уютно». А что было на самом деле? Самое что ни на

есть колючее, жесткое, жутко каменистое, бугристое, корявое, морра его подери!..

Потом Эдвард уселся на тучу и погрузился в задумчивое молчание.

— Ну? — закричали мы нетерпеливо.

— Хрумф... — угрюмо сказал дронт. — Здесь, кажется, есть несколько довольно мягких местечек. Посижу еще немного и решу, надо вас наказывать или нет.

Но когда дронт Эдвард принял решение, мы были уже далеко от рокового места, где мог бы разыгаться последний акт моей одиссеи...

Очевидно, Незнакомая страна была страной круглых холмов. Вокруг нас, насколько мог видеть глаз, простирались их зеленые, поросшие травой шапки. Холмы пересекались длинными низкими стенами, сложенными из булыжника, над которыми, видно, кому-то пришлось немало потрудиться. А вот редкие домишки были большей частью построены из соломы и, по моему мнению, никуда не годились.

— Зачем они понастроили этих стен из булыжника? — удивился Юксаре. — Они что, кого-то там запирают или, наоборот, кого-то не пускают внутрь? И куда, впрочем, все они подевались?

Вокруг царила полная тишина, никаких следов взволнованной толпы, которая, казалось бы, должна нестись со всех ног, чтобы поглядеть на нас, узнать про бурю, восхищаться нами, посочувствовать нам. Я был сильно разочарован и думаю, что и другие разделяли мои чувства. Проходя мимо маленького домишки, который выглядел беднее остальных, мы услышали, что кто-то играет там на гребенке. Мы постучали четыре раза, но никто не отворил.

— Привет! — крикнул Фредриксон. — Дома есть кто-нибудь?

И тут послышался тоненький голосок:

— Нет, никого нет!

— Странно, — заметил я. — Кто же тогда разговаривает?

— Я, Мюмла, — отвечал голос. — Только вам нужно поскорее уходить, мне не велено никому отпирать дверь, пока мама не вернется!

— А где твоя мама? — спросил Фредриксон.

— Она на садовом празднике, — ответил огорченно тоненький голосок.

— Почему же ты не пошла с ней? — удивился Шнырек. — Ты что, слишком маленькая?

Мюмла расплакалась:

— У меня болит горло! Мама думает, что у меня дифтерит!

— Открой дверь, — ласково сказал Фредриксон. — Мы заглянем в твоё горло, может, это и не дифтерит!

Дверь открылась. Перед нами с красными от слез глазами стояла Мюмла. Шея у нее была повязана шерстяным платком.

— Сейчас поглядим. Скажи «а-а-а»! — велел Фредриксон.

— Мама еще думала, что у меня сыпной тиф или холера, — мрачно пробормотала Мюмла и открыла рот: — А-а-а...

— Никакой сыпи, — сказал Фредриксон. — А горло болит?

— Ужасно, — простонала Мюмла. — Оно у меня срастается, ясно вам? И скоро я не смогу ни есть, ни разговаривать, ни дышать.

— Иди и сейчас же ложись в постель, — ужаснулся Фредриксон. — Мы должны привести твою маму. Сию же минуту!

— Не надо! — воскликнула Мюмла. — На самом-то деле я вас просто обманула. И вовсе я не больна. Меня не взяли на садовый праздник, потому что я вела себя просто невыносимо, даже маме надоела!

— Зачем же ты нас обманула? — спросил ошарашенный Фредриксон.

— Потому что так интереснее! — отвечала маленькая Мюмла и снова заревела. — Мне ужасно скучно!

— Почему бы нам не отвести ее на этот праздник? — предложил Юксаре.

— А если Мюмла-мама рассердится? — возразил я.

— И вовсе не рассердится! — обрадовалась Мюмла. — Мама обожает иностранцев! И к тому же она наверняка забыла, как плохо я себя вела. Она всегда обо всем забывает!

Мюмла размотала шаль и выбежала из дома.

— Поторапливайтесь! — закричала она. — Король наверняка уже давно начал устраивать сюрпризы!

— Король? — воскликнул я, и у меня вдруг засосало под ложечкой. — Ты хочешь сказать: настоящий король?

— Настоящий, — подтвердила Мюмла. — Самый что ни на есть! Самодержец, самый могущественный король на свете! А сегодня —

день его рождения, ему исполняется сто лет.

— Он похож на меня? — прошептал я.

— Нисколечко. С какой стати ему походить на тебя? — удивилась Мюмла.

Я пробормотал что-то неопределенное и покраснел. Конечно, я поторопился, высказав такое предположение. Но все-таки... Подумайте, а что, если... Я чувствовал себя королевской особой. Да, да. Во всяком случае я увижу Самодержца, может, даже поговорю с ним!

В королях есть нечто особенное, нечто величественное, возвышенное, недоступное. Вообще-то я не склонен восхищаться кем-либо (разве что Фредриксоном), но королем можно восхищаться, не роняя своего достоинства. И это приятно.

Мюмла тем временем бежала вприпрыжку по холмам, перелезала через каменные стены.

— Послушай-ка, — сказал Юксаре, — для чего вы понастроили эти стены? Вы что, запираете кого-нибудь или запираетесь от кого-то?

— Еще чего, да их просто так понастроили, — отвечала Мюмла. — Подданным королевства нравится строить стены, потому что тогда можно брать с собой еду и устраивать пикники... Мой дядя по материнской линии построил стену в семнадцать километров! Вы бы удивились, если бы познакомились с моим дядей, — весело продолжала она. — Он изучает все буквы и все слова слева направо и наоборот и носится с ними, пока точно не уверится, что хорошенько выучил их. А если слова очень длинные и заковыристые, то он изучает их целыми часами.

— Например, такие, как «гарголозумдонтолг!» — подсказал Юксаре.

— Или «антифилифренсконсумция», — сказал я.

— О-о-о! — воскликнула Мюмла, — возле таких длинных слов ему пришлось бы разбить палатку! По ночам он закутывается в свою длинную рыжую бороду. Одна половина бороды — одеяло, а другая половина — матрац. Днем у него в бороде живут две маленькие белые мышки, им не приходится платить за квартиру, потому что они такие хорошенькие!

— Прощу прощения, — сказал Шнырек, — но мне кажется, что она опять дурачит нас.

— Мои сестры и братья тоже так думают, — хихикнула Мюмла. — Их у меня четырнадцать или пятнадцать, и все они думают то же самое. Я старшая и самая умная. Но вот мы и пришли. Теперь скажите маме, что это вы заманили меня сюда.

— А как она выглядит? — спросил Юксаре.

— Она кругленькая, — отвечала маленькая Мюмла. — У нее все круглое снаружи и, наверное, внутри тоже.

Мы стояли перед высоченной стеной из булыжника, ворота ее были увешаны гирляндами. А наверху висел плакат:

САДОВЫЙ ПРАЗДНИК САМОДЕРЖЦА!

ВХОД СВОБОДНЫЙ!

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ! ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ!

БОЛЬШОЕ ТОРЖЕСТВО ПО

СЛУЧАЮ НАШЕГО СТОЛЕТНЕГО ЮБИЛЕЯ!

НЕ ПУГАЙТЕСЬ, ЕСЛИ

СЛУЧИТСЯ ЧТО-НИБУДЬ УДИВИТЕЛЬНОЕ!

— А что случится? — спросил Клипдасс.

— Что угодно, — ответила Мюмла. — И это самое интересное.

Мы вошли в сад. Он был дикий, заросший, какой-то небрежно буйный.

— Извините, а дикие звери здесь водятся? — спросил Шнырек.

— Гораздо хуже, — прошептала Мюмла. — Пятьдесят процентов гостей бесследно исчезают! Просто жуть. Ну, я пошла. Привет!

Мы осторожно последовали за ней. Дорога извивалась меж густых кустов и была похожа на длинный зеленый туннель, наполненный таинственным полумраком...

— Стойте! — воскликнул Фредриксон, наострив уши.

Дорога обрывалась у пропасти. А внизу, в расселине (нет, об этом просто страшно говорить), висело и таращило на нас глаза что-то мохнатое с длинными шевелящимися ногами... Это был огромный паук!

— Ш-ш-ш!.. Поглядим, злой ли он, — прошептал Юксаре и бросил вниз несколько маленьких камешков.

Тогда паук замахал ногами, словно ветряная мельница крыльями, и завертел глазами (ведь они у него крепились на стерженьках).

— Да он ненастоящий! — изумился Фредриксон. — Ноги-то из стальной спирали! Хорошо сделан.

— Извините, но, по-моему, так шутить не годится, — сказал Шнырек. — На свете и без того хватает страшного и опасного!

— Ах, эти иностранцы! — вздохнул Фредриксон и пожал плечами.

Я был глубоко потрясен, не столько пауком, сколько вовсе не королевским поведением Самодержца.

У следующего поворота тоже висел плакат.

ТЕПЕРЬ-ТО УЖ ВЫ ИСПУГАЕТЕСЬ! — обещал он.

«Как может король ребячиться таким образом? — взволнованно подумал я. — Это несолидно, если королю сто лет! Ведь нужно дорожить восхищением своих подданных. Нужно внушать уважение!»

Тут мы подошли к искусственному озеру и стали пристально разглядывать его.

У берега стояло несколько корабликов, украшенных флагами Самодержца. Над водой склонились приветливые деревья.

— Вот это да! — пробормотал Юксаре и забрался в ярко-красный кораблик с голубыми поручнями.

Не успели мы доплыть до середины озера, как король устроил нам еще один сюрприз. Рядом с корабликом забила сильная струя воды, которая хорошенько нас окатила. Вполне понятно, что Шнырек закричал от страха. И прежде чем мы доплыли до берега, нас окатило четыре раза, а на берегу висел еще один плакат, утверждавший:

А ТЕПЕРЬ ВЫ НАВЕРНЯКА ХОРОШЕНЬКО ПРОМОКЛИ!

Я совершенно растерялся, мне было очень стыдно за короля.

— Странный садовый праздник, — пробормотал Фредриксон.

— А мне он нравится! — воскликнул Юксаре. — Видно, что Самодержец симпатичный. Он совсем не чванится!

Я выразительно взглянул на Юксаре, но сдержался и не сказал ничего.

Мостики, по которым нам предстояло перейти через целую систему каналов, были или сломанные, или склеенные из картона. Нам приходилось также идти по гнилым стволам деревьев, по висячим мостикам, сделанным из старых шнурков и обрывков веревки. Однако ничего особенного с нами не случилось, не считая того, что Клипдассу пришлось постоять на голове, но это, судя по всему, только взбодрило его. Вдруг Юксаре воскликнул:

— Ха-ха! На этот раз они нас не проведут!

Он подошел к большому чучелу быка и похлопал его по морде. Можете себе представить наш ужас, когда бык, издав дикий рев, выставил рога (к счастью, обмотанные тряпкой) и с такой силой отшвырнул Юксаре, что тот, описав красивую дугу, упал на розовый куст.

И тут мы, к нашей досаде, обнаружили, конечно, новый плакат, с триумфом сообщавший:

ЭТОГО ВЫ НИКАК НЕ ОЖИДАЛИ!

На этот раз я решил, что Самодержец все же не лишен чувства юмора.

Постепенно мы стали привыкать к сюрпризам. Мы забирались все дальше в дремучий сад короля. Мы продирались сквозь густые заросли, нам встречались всевозможные укромные местечки, мы шли под водопадами и над пропастями с искусственными кострами. Однако король придумал для своих подданных не только западни и страшилищ на стальных пружинах. Если хорошенько поискать под кустами, в расселинах и дуплах, можно было найти гнезда с раскрашенными и позолоченными яйцами. На каждом яйце была красиво выведена цифра. Я нашел яйца с номерами — 67, 14, 890, 223 и 27. Это была королевская лотерея. Вообще-то я не люблю лотереи, потому что ужасно расстраиваюсь, если не выигрываю, но искать яйца мне понравилось. Больше всех нашел Клипдасс, и нам стоило больших трудов уговорить его не грызть их, а поберечь до раздачи

выигрышей. Фредриксон занял почетное второе место, за ним шел я, а под конец — Юксаре, слишком ленивый, чтобы искать, и Шнырек, который искал бессистемно и беспорядочно.

И тут мы наткнулись на длинную пеструю ленту, привязанную бантиками к деревьям. Большой плакат сообщал:

СЕЙЧАС ВАМ БУДЕТ УЖАСНО ВЕСЕЛО!

Послышались радостные возгласы, выстрелы и музыка: в центре сада веселье было в самом разгаре.

— Я, пожалуй, останусь здесь и подожду вас, — опасно сказал Клипдасс. — Похоже, там слишком шумно!

— Ладно, — разрешил Фредриксон. — Только смотри не потеряйся.

Мы остановились на краю большой зеленой лужайки, где собралась целая толпа подданных короля. Они катались с горок, кричали, пели, кидали друг в друга шарики-хлопушки и ели сахарную вату. Посреди поляны стояло круглое строение, а на нем много белых лошадей с серебряной упряжью. Сооружение крутилось, изнутри доносилась музыка, а на крыше развевались флажки.

— Что это такое? — восхищенно воскликнул я.

— Карусель, — ответил Фредриксон. — Я делал чертеж такой машины и показывал тебе, разве ты не помнишь?

— Но чертеж выглядел совсем по-другому. Ведь здесь лошади, серебро, флажки и музыка.

— И подшипники, — сказал Фредриксон.

— Не угодно ли господам соку? — спросил рослый хемуль в нелепом переднике (я всегда говорил, что у хемулей абсолютно нет вкуса). Он налил нам по стакану сока и многозначительно шепнул: — Вам нужно поздравить Самодержца. Сегодня ему исполняется сто лет!

Со смешанным чувством взял я стакан и обратил свой взор на трон Самодержца. Что я испытал при этом? Разочарование. А может быть, облегчение? Момент, когда глядишь на трон, торжественный и важный. У каждого тролля должно быть то, на что он может смотреть снизу вверх (и, разумеется, то, на что он смотрит сверху вниз), то есть нечто, вызывающее благоговение и благородные чувства. И что же я увидел? Короля в короне набекрень, короля с цветами за ухом, короля, хлопавшего себя по коленкам и так сильно отбивавшего ногой такт,

что трон от этого качался. У трона стояла туманная сирена, в которую король трубил каждый раз, когда хотел обратиться к кому-нибудь из подданных. Нужно ли говорить, что я был ужасно смущен и удручен.

Когда туманная сирена наконец умолкла, Фредриксон сказал:

— Имею честь поздравить. С первым столетием.

Я тут же сделал салют хвостом и сказал не своим голосом:

— Ваше величество Самодержец, позвольте пришельцу из дальних стран принести вам свои поздравления. Этот миг я запомню надолго!

Король удивленно уставился на меня и захихикал:

— Ваше здоровье! Вы промокли? Что сказал бык? Не собираетесь ли вы утверждать, что никто из вас не свалился в бочку с сиропом? Ах, до чего же весело быть королем!

Тут королю надоело говорить с нами, и он опять принялся трубить в туманную сирену.

— Эй, верные мои люди! — закричал он. — Да пусть же кто-нибудь остановит эту карусель. Спешите все сюда. Сейчас будут раздаваться выигрыши!

Карусели и качели остановились, и все сбежались к королю.

— 701! — выкрикнул король. — У кого 701?

— У меня, — сказал Фредриксон.

— Пожалуйста! Пользуйтесь на здоровье! — сказал Самодержец и протянул ему прекрасную механическую пилу, точно такую, о какой Фредриксон давно мечтал.

Король выкрикал новые номера, подданные выстроились у трона длинной вереницей, смеясь и болтая. Все от мала до велика выиграли что-нибудь. Все, кроме меня.

Юксаре и Шнырек сложили свои выигрыши в ряд и принялись их тут же уничтожать, ведь это были главным образом шоколадные шарики, марципановые хемули и розы из сахарной ваты. А у Фредриксона на коленях лежала целая груда полезных и неинтересных вещей, большей частью это были инструменты.

Под конец Самодержец сошел с трона и крикнул:

— Дорогие мои! Дорогие мои бестолковые, шумливые, неразумные подданные! Вы получите то, что вам больше всего подходит, и ничего другого вы не заслуживаете! Наша столетняя мудрость подсказала Нам спрятать яйца в тайниках трех типов.

Первые мы устроили в таких местах, где можно запросто споткнуться. Это для тех, кто носится без толку, туда-сюда и вдобавок слишком ленив, чтобы искать, — и это выигрыши съедобные. Вторые — для тех, кто ищет спокойно, методично и рассудительно. Это выигрыши, с помощью которых можно что-нибудь мастерить. Ну, а третьи — тайники для искателей с фантазией, кто не любит ничего полезного. Слушайте же, дорогие мои неисправимые, неразумные подданные! Кто из вас искал яйца в самых причудливых тайниках? Под камнями и в ручьях? В верхушках деревьев и в цветочных бутонах? В своих собственных карманах или в муравейниках? Кто нашел яйца с номерами 67, 14, 890, 999, 223 и 27?

— Я! — закричал я с такой силой, что невольно подпрыгнул, и почувствовал, что краснею.

А кто-то тоненьким голоском пропищал:

— У меня — 999!

— Иди сюда, бедняга тролль, — поманил меня Самодержец. — Вот тут самые бесполезные призы. Это для фантазера. Тебе навится?

— Ужасно нравится, Ваше величество, — сказал я, задыхаясь от волнения, и уставился как зачарованный на свои призы, 27-й был положительно лучше всех: на подставке из коралла возвышался маленький трамвайчик из пенки. На передней платформе второго вагона был маленький футлярчик для английских булавок. Номер 67 выиграл ложку для коктейля, украшенную гранатами. Кроме того, я выиграл зуб акулы, законсервированное колечко дыма и искусно украшенную ручку от шарманки. Можете ли вы представить себе, как я был счастлив? Можете ли вы понять, дорогие читатели, что я почти простил Самодержцу его недостаточно королевскую внешность и решил, что он все-таки довольно неплохой король?

— А как же я? — воскликнула Мюмла (ведь это, разумеется, ей достался выигрыш под номером 999).

— А тебе, Мюмлочка, я позволю поцеловать Нас в носик.

Мюмла вскарабкалась Самодержцу на колени и чмокнула его в старый нос, а народ в это время кричал «ура!», радуясь своим выигрышам.

Это был грандиозный садовый праздник! Когда стало смеркаться, в парке Сюрпризов повсюду зажглись цветные фонарики, начались танцы, игры, шуточные схватки и состязания. Самодержец раздавал

воздушные шары, открывал огромные бочки яблочного сока, повсюду горели костры, и подданные варили суп и жарили колбасу.

Слоняясь в толпе, я вдруг увидел большую мюмлу, которая, казалось, вся состояла из шариков. Я подошел к ней, поклонился, извинился и сказал:

— Вы, случайно, не Мюмла-мама?

— Она самая, — сказала Мюмла-мама и засмеялась. — Надо же, как я объелась! Жаль, что тебе достались такие странные призы!

— Странные? — воскликнул я. — Есть ли на свете что-нибудь лучше бесполезных призов? — И тут же вежливо добавил: — Разумеется, вашей дочери достался главный приз.

— Это делает честь нашей семье, — с гордостью согласилась Мюмла-мама.

— Значит, вы больше не сердитесь на нее? — спросил я.

— Сержусь? — удивилась Мюмла-мама. — За что? У меня на это нет времени! Восемнадцать, нет, девятнадцать детей, и всех надо умыть, уложить, раздеть, одеть, высморкать, утешить и еще морра знает что! Ах, юный друг, мне некогда огорчаться!

— И потом, у вас такой удивительный брат, — продолжал я.

— Брат? — переспросила Мюмла-мама.

— Да, дядя вашей дочери по материнской линии, — пояснил я. — Который спит, завернувшись в свою рыжую бороду (хорошо, что я еще не сказал ничего про мышей, живущих в его бороде).

Тут Мюмла-мама захохотала во все горло:

— Ну и дочка у меня! Она тебя обманула. Насколько мне известно, у нее нет никакого дяди по материнской линии. Ну пока, я пойду кататься на карусели.

И, собрав в охапку столько детей, сколько смогло уместиться в ее мощных руках, Мюмла-мама уселась в одну из красных карет, которую везла серая в яблоках лошадь.

— Удивительная мюмла! — заметил Юксаре с искренним восхищением.

Верхом на карусельной лошади сидел Шнырек, и вид у него был очень странный.

— Как дела? — крикнул я. — Ты что такой невеселый?

— Почему? — пробормотал Шнырек. — Я веселюсь изо всех сил. Только от этого кружения мне что-то не по себе! Как жалко!

— А сколько раз ты прокружился?

— Не знаю, — жалобно сказал Шнырек. — Много! Очень много! Извините, но я должен... Может, мне больше никогда не придется кататься на карусели... Ах, вот она опять начала кружиться!

— Пора идти домой, — сказал Фредриксон. — Где король?

Самодержец был крайне увлечен катанием с горки, а мы незаметно ушли. Остался только Юксаре. Он объяснил, что они с Мюмлой-мамой решили кататься на карусели до самого восхода солнца.

На самом краю лужайки мы нашли Клипдасса, зарывшись в мох, он уже засыпал.

— Привет! — сказал я. — Ты что, не собираешься получать свои выигрыши?

— Выигрыши? — заморгал глазами Клипдасс.

— Да ты же нашел дюжину яиц.

— Я их съел, — застенчиво сказал Клипдасс, — ведь мне нечего было делать, пока я вас ждал.

Я долго гадал, что же выиграл Клипдасс и кто забрал его выигрыши. А может быть, Самодержец приберег их для своего следующего столетнего юбилея?

Муми-папа перелистнул страницу и сказал:

— Шестая глава.

— Подождите немного, — попросил Снусмумрик. — Моему папе что — нравилась эта круглая Мюмла?

— Еще бы! — отвечал Муми-папа. — Они носились повсюду вдвоем и хохотали, когда надо и не надо.

— Она нравилась ему больше, чем я? — спросил Снусмумрик.

— Но ведь тогда тебя еще не было, — объяснил Муми-папа.

Снусмумрик фыркнул. Он надвинул шляпу на уши и уставился в окно.

Взглянув на него, Муми-папа поднялся, подошел к угловому шкафу и долго рылся на верхней полке. Вернувшись, он положил перед Снусмумриком длинный блестящий акулий зуб.

— Я тебе его дарю. Твоему папе он очень нравился.

Снусмумрик с одобрением взглянул на акулий зуб.

— Хороший... Я повешу его над своей кроватью. А папа сильно ушибся, когда бык швырнул его в тот розовый куст?

— Да нет, — улыбнулся Муми-папа. — Юксаре был мягкий, как кот, и потом рога быка ведь были обвязаны тряпкой.

— А что стало с другими призами? — спросил Снифф. — Трамвайчик стоит в гостиной под зеркалом, а остальные где?

— Шампанского у меня никогда не было, — задумчиво сказал Муми-папа. — Поэтому ложка до сих пор лежит в ящике кухонного стола. А колечко законсервированного дыма постепенно с годами растаяло.

— А где искусно украшенная ручка шарманки? — насторожился Снифф.

— Что ж, — сказал Муми-папа. — Если бы я знал, когда у тебя день рождения! Но твой папа так и не обзавелся календарем.

— Но ведь есть же именины! — взмолился Снифф.

— Хорошо, ты получишь в день своих именин загадочный подарок, — пообещал Муми-папа. — А теперь помолчите, я буду читать дальше.

ГЛАВА ШЕСТАЯ,

*в которой я основываю колонию и переживаю кризис, а также
вызываю привидение на остров Ужасов*

Я до сих пор помню утро, когда Фредриксон получил телеграмму. Мы сидели в навигационной каюте «Морского оркестра» и пили кофе.

— Я тоже хочу кофе, — сказал Клипдасс и стал пускать пузыри в свой стакан с молоком.

— Ты еще маленький, — ласково пояснил Фредриксон. — Между прочим, через полчаса тебя с пакетботом отправят на берег к маме.

— Надо же! — ничуть не огорчился Клипдасс и продолжал пускать пузыри.

— А я останусь у вас! — крикнула Мюмла. — Пока не вырасту. Послушай, Фредриксон, ты не можешь изобрести что-нибудь такое, от чего мюмлы вырастают ужасно большими?

— С нас хватит и маленьких...

— Мама тоже так считает, — призналась Мюмла. А вы знаете, что я появилась на свет в маленькой раковине, и когда мама нашла меня в аквариуме, я была не больше водяной блохи?

— Опять ты обманываешь нас, — рассердился я. — Мне очень хорошо известно, что каждый появляется на свет из своей мамы, а сперва сидит в ней, как семечко в яблоке. Таких обманщиц нельзя держать на борту, они приносят несчастье!

— Ерунда, — беспечно отмахнулась Мюмла, попивая свой кофе большими плотками.

Мы привязали к хвосту Клипдасса бумажку с адресом и поцеловали его в мордочку.

— Передай привет своей маме, — велел Фредриксон. — И не грызи пакетбот.

— Не буду, — радостно пообещал Клипдасс и отправился в путь, а Мюмла пошла присмотреть, чтобы он благополучно сел на пакетбот.

Фредриксон расправлял на столе навигационной каюты карту мира, когда в дверь постучали и зычный голос сообщил:

— Телеграмма! Телеграмма-молния Фредриксону!

За дверью стоял рослый хемуль из королевской гвардии Самодержца. Фредриксон, сохраняя самообладание, надел капитанскую фуражку и с серьезным видом прочитал вслух:

— «Нашего сведения дошло Фредриксон прирожденный изобретатель точка просим направить талант службу Самодержцу восклицательный знак ответ срочно точка».

— Извините меня, но этот король не шибко грамотен, — сказал Шнырек.

— В телеграмме-молнии предлоги никогда не пишутся, — объяснил Фредриксон. — Их некогда вставлять. Наоборот, это отличная телеграмма.

Он достал щетку для волос, лежавшую за нактоузом, и принялся драть свои уши с такой силой, что пучки волос разлетались по всей навигационной каюте.

— Можно я расставлю предлоги в твоей телеграмме? — спросил Шнырек.

Но Фредриксон не слушал его. Что-то бормоча, он стал чистить свои брюки.

— Послушай-ка, — осторожно начал я, — если ты будешь изобретать разные там штуки Самодержцу, мы не сможем плыть дальше, верно?

Фредриксон издал неопределенный звук.

— Ведь на изобретения понадобится немало времени, не правда ли? — продолжал я. Фредриксон ничего не ответил, и я в полном отчаянии воскликнул: — Ты же хотел стать искателем приключений?!

Но Фредриксон ответил:

— Я хочу быть изобретателем. Хочу изобрести летающий речной корабль.

— А как же я?

— Ты можешь вместе с остальными основать колонию, — дружелюбно посоветовал он и исчез.

В тот же день Фредриксон, а вместе с ним и «Морской оркестр» поселились в парке Сюрпризов. На берегу одиноко осталась стоять одна лишь навигационная каюта. По приказу Самодержца речной

пароход доставили на поляну Развлечений и сделали из всего этого большой секрет. Восторженные подданные короля с усердием нагородили вокруг парохода целых восемь стен из булыжника.

Повозка за повозкой доставили сюда необходимое — инструменты, тонны шарикоподшипников, пружину из стальной проволоки. Фредриксон пообещал Самодержцу, что по вторникам и четвергам станет изобретать всякие забавные штуки для пугания подданных, а в прочие дни будет заниматься своим собственным летающим речным пароходом.

Обо всем этом я узнал позднее, в ту же минуту чувствовал себя крайне одиноким и всеми покинутым. Я снова начал сомневаться в достоинствах Самодержца и не мог больше восхищаться королями. К тому же я понятия не имел, что означает странное слово «колония». Вконец расстроенный, я отправился к дому Мюмлы искать утешения.

Мюмла мыла братьев и сестер, поливая их водой из шланга.

— Привет! — крикнула она. — У тебя такой вид, словно ты ел клюкву без сахара!

— Я уже больше не искатель приключений, я собираюсь основать колонию, — мрачно сообщил я.

— Вот как! А что это такое? — спросила Мюмла.

— Сам не знаю, — пробормотал я. — Скорее всего что-то ужасно глупое. Думаю, что нужно уйти отсюда. Наверное, я уйду с хатифнаттами. Одинокий и вольный, как морской орел.

— Тогда и я пойду с тобой, — заявила Мюмла.

— Между тобой и Фредриксоном — большая разница, — сказал я тоном, который должен был скрыть мою истинную мысль.

— Да, конечно! — весело воскликнула Мюмла. — Мама! Где ты? Ну куда она опять подевалась?

— Привет! — Голова Мюмлы-мамы показалась над травинкой. — Ты всех вымыла?

— Нет, только половину, — отвечала дочка. — Остальные и так обойдутся. Вот этот тролль просит меня отправиться вместе с ним в кругосветное путешествие, мы улетим... одинокие, как синицы!

— Нет! Нет! — закричал я с вполне понятным беспокойством. — Я имел в виду совсем другое!

— Как орел, — поправилась Мюмла.

Мюмла-мама очень удивилась:

— Что ты говоришь! Значит, ты не явишься к ужину?

— Ах, мама, — отвечала Мюмла. — Когда ты в следующий раз увидишь меня, я буду самая большая мюмла на свете! Так мы сейчас отправляемся?

— Пожалуй, уж лучше основать колонию, — ответил я слабым голосом.

— Прекрасно! — Мюмла согласилась и на колонию. — Теперь мы — колонисты! Посмотри-ка на меня, мама! Я ведь настоящая колонистка! Я переселяюсь из дома!

Дорогие читатели, в ваших собственных интересах я прошу вас, будьте осторожны с мюмлами. Они интересуются всем и никак не могут сообразить, что сами-то они вовсе не всем интересны.

Итак, волею судьбы я основал колонию. Мы — Мюмла, Шнырек, я и Юксаре — собрались в заброшенной навигационной каюте Фредриксона.

— Ну вот, — сразу же объявила Мюмла. — Я спросила маму, что такое колонисты, и она считает: это те, которые живут очень близко друг от друга, потому что одиночество никому не нравится. А потом все начинают ужасно ссориться, но все равно это гораздо веселее, чем не иметь никого, с кем можно поругаться. Мама предостерегала меня.

Ее сообщение было встречено неодобрительным молчанием.

— Так что же, нам нужно сразу начинать ссориться? — со страхом спросил Шнырек. — Я терпеть не могу ссориться. Извините, но ведь ссориться ужасно неприятно!

— Вот нет! — возразил, подумав, Юксаре. — Колония — это место, где живут в мире и спокойствии и как можно дальше друг от друга. Иногда случается что-нибудь непредвиденное, но потом снова наступают мир и спокойствие... Можно, например, жить на яблоне. Песни и солнечный свет... просыпаешься поздно по утрам, вы понимаете... Никто не снует возле тебя и не твердит тебе, что надо, не откладывая, делать и то, и это... В колонии все делается само по себе!

— Как это само по себе? — удивился Шнырек.

— Ясное дело, — мечтательно продолжал Юксаре. — Просто нужно оставить дела в покое. Апельсины растут, цветы распускаются, и время от времени рождаются на свет новые Юксаре, чтобы есть апельсины и нюхать цветы. И каждому светит солнце.

— Нет! Все это никакая не колония! — воскликнул я. — Колония — это свободное товарищество! Товарищество, которое занимается чем-то романтическим и немного страшноватым, ну таким, каким никто другой и заняться не посмеет.

— Чем же это? — ахнула Мюмла.

— Сами увидите, — загадочно отвечал я. — В следующую пятницу, в полночь! Вы сильно удивитесь! Шнырек закричал «ура!», а Мюмла захлопала.

Но страшная правда заключалась в том, что я не имел ни малейшего понятия, чем же мне удивить колонистов в полночь следующей пятницы.

Итак, началась наша новая самостоятельная жизнь. Юксаре поселился на яблоне неподалеку от дома Мюмлы-мамы. А сама Мюмла заявила, что будет спать каждую ночь на новом месте, чтобы чувствовать себя независимой, и только Шнырек продолжал жить в своей банке из-под кофе.

Я же остался в навигационной каюте. Она стояла на одиноком утесе и была похожа скорее всего на выброшенный штормом обломок корабля. Я отчетливо помню, как стоял и с грустью смотрел на старый ящик с инструментами, принадлежавший Фредриксону. Хемули из гвардии Самодержца его забраковали, решив, что он недостаточно хорош для придворного изобретателя.

И тут я решил: именно сейчас мне нужно придумать что-нибудь не менее замечательное, чем изобретения Фредриксона. Но как мне произвести впечатление на своих колонистов? Они ждут не дождутся, скоро пятница, а я к тому же тишком много болтал о том, какой я талантливый...

На мгновение мне стало совсем тошно. Я смотрел на волны, бегущие одна за другой, и мысленно представляют себе, как Фредриксон без передышки все строит и строит, изобретает и изобретает, а обо мне и думать забыл.

Мне было почти досадно, что я не родился, как хатифнатт, под неизвестными блуждающими звездами и не мог, как они, плыть и плыть к недостижимому горизонту, молчаливый и равнодушный ко всему, и чтобы никто не ждал от меня ничего другого.

В этом печальном настроении я пребывал до самого вечера. Наконец, устав от своего одиночества, я побрел по холмам туда, где

подданные Самодержца продолжали строить свои дурацкие стены и устраивать пикники. Повсюду горели маленькие костры, взлетали самодельные фейерверки, и подданные кричали, как всегда, «ура!» своему королю. Проходя мимо банки Шнырька, я услышал, как он разговаривает сам с собой. Речь, как мне показалось, шла о форме какой-то пуговицы, круглой и в то же время продолговатой, если на нее посмотреть с определенной стороны. Юксаре спал у себя на дереве, а Мюмла бегала где-то, чтобы показать своей маме, какая она самостоятельная.

Глубоко ощущая собственную никчемность, я направился в парк Сюрпризов. Там царил полная тишина. Водопады не работали, лампочки не горели, карусель спала под большим коричневым чехлом. Трон Самодержца был тоже накрыт чем-то драгоценным, а под тронем стояла туманная сирена. На земле повсюду валялись фантики от конфет.

И тут я услышал стук молотка.

— Фредриксон! — завопил я.

Но он не ответил — продолжал стучать молотком. Тогда я завел туманную сирену. Минуту спустя в темноте зашевелились уши Фредриксона.

— Я не могу показать тебе это, пока оно не будет готово, — сказал Фредриксон. — Ты пришел слишком рано.

— Я и не думаю глядеть на твоё изобретение, — немного обиделся я. — Мне просто хочется поговорить.

— О чем же? — удивился он.

Немного помолчав, я спросил:

— Милый Фредриксон, а что должен делать вольный искатель приключений?

— Что ему хочется, — отвечал Фредриксон. — Ты что-нибудь еще хотел сказать? Вообще-то мне немножко некогда.

Приветливо помахав ушами, он скрылся в темноте. Вскоре я снова услышал, как он заколачивает гвозди. Всю дорогу меня одолевали совершенно никчемные мысли — ни одна не могла стать Идеей, мне, пожалуй, впервые не доставляло никакого удовольствия думать о самом себе. Я погрузился в состояние глубокой меланхолии. Увы, подобное случалось, и не раз, со мной и в дальнейшем, когда я видел, что кто-нибудь делает что-нибудь лучше меня.

Подумав, я все-таки решил, что это, казалось бы, не очень-то приятное чувство, на самом деле косвенно свидетельствует о моем скрытом таланте. И еще я заметил: если я впадаю в меланхолию, если начинаю вздыхать, уставясь в морскую даль, это мне явно доставляет некоторое удовольствие. Мне становится жалко себя, а это так приятно.

Пребывая в столь нехорошем настроении, я с помощью инструментов Фредриксона рассеянно начал кое-что переделывать в навигационной каюте, используя выброшенные на берег обломки реек. Мне казалось, что для дома она слишком тесная.

Это была печальная, но важная для моего развития неделя. Я забивал гвозди и размышлял, пилил и размышлял, но ни одной гениальной идеи не родилось в моей голове.

Ночь со среды на четверг выдалась тихая и светлая. На небе сияла полная луна. Все замерло. Даже подданным Самодержца надоело кричать «ура!» и пускать фейерверки. Я достроил лестницу, ведущую на верхний этаж, и сидел у окна, положив мордочку на лапы. Стояла такая тишина, что было слышно, как мохнатые ночные бабочки чистят свои крылышки.

И тут я увидел на песчаном берегу маленькое белое существо. При первом взгляде я решил, что это хатифнатт. Но когда, скользя, оно приблизилось, шерсть у меня на затылке встала дыбом. Существо было прозрачное. Сквозь него я отчетливо различал камни, потому что оно просвечивало насквозь и не имело тени! Если добавить, что это нечто было закутано во что-то похожее на тончайшую белую занавеску, то каждому станет яснее ясного, что это было привидение.

Я взволнованно поднялся. Заперта ли входная дверь? Может быть, привидение захочет пройти сквозь нее... Куда же мне спрятаться? Заскрипела наружная дверь. Холодный ветерок взметнулся и подул мне в затылок.

Теперь, вспоминая об этом, я не уверен, что так уж испугался, наверное, просто решил быть как можно осторожнее. Поэтому я заполз под кровать и стал ждать. Чуть погода заскрипела лестница. Один раз скрипнула, второй... Я знал, что у лестницы девять ступенек (эту лестницу было ужасно тяжело делать, она была винтовая). Я сосчитал до девяти. Потом стало совсем тихо, и я подумал: «Теперь Оно стоит за дверью...»

На этом Муми-папа сделал эффектную паузу.

— Снифф, — сказал он, — подкрути-ка фитиль керосиновой лампы. Подумать только, когда я читаю про ночь с привидениями, лапы у меня становятся совершенно мокрыми!

— Кто-то что-то сказал? — пробормотал Снифф, проснувшись.

Папа Муми-тролля осуждающе взглянул на Сниффа:

— Да нет, ничего. Просто я читал свои мемуары.

— Про привидение — это хорошо, — одобрил Муми-тролля. Он лежал, натянув одеяло до ушей. — А про печальное настроение, по моему, лишнее. Получается слишком длинно.

— Длинно? — обиделся папа. — Что ты называешь длинным? В мемуарах должно быть описание печальных чувств. Во всех мемуарах это есть. Я пережил кризис.

— Что пережил? — не понял Снифф.

— Мне было ужасно плохо, — немного сердясь, объяснял папа. — Я был так несчастлив, что даже не заметил, как построил двухэтажный дом!

— А были яблоки на яблоне Юксаре? — спросил Снусмумрик.

— Нет, — отрезал папа и, поднявшись, захлопнул тетрадь в клеенчатой обложке.

— Послушай, папа, — сказал Муми-тролля, — про привидение действительно ужасно интересно.

Но папа уже спустился в гостиную — бывшую навигационную каюту — и уставился на барометр-анероид, который по-прежнему висел над комодом.

«Что же тогда сказал Фредриксон, увидев мой дом? „Надо же, что ты смастерил! Надежная защита“. Но другие-то и не заметили, что дом стал выше! Может, и вправду надо сократить главу о чувствах? Может, она и впрямь глупая и вовсе не занимательная? Может, и вся книга глупая?»

— Никак ты сидишь в темноте? — удивилась Муми-мама, открывая кухонную дверь.

— Мне кажется, глава о переживаниях моей юности нелепая, — сказал папа.

— Ты говоришь про начало шестой главы? — уточнила мама.

Папа что-то пробормотал.

— Это одно из лучших мест во всей книге, — твердо сказала Муми-мама. — У тебя получается гораздо правдивее, когда ты перестаешь хвастаться. Детишки слишком малы, чтобы понять это. Я принесла тебе бутерброды на ночь. Ну, пока.

Она пошла наверх. Лестница проскрипела точно, как тогда, — девять раз. Но эта лестница была сделана гораздо прочнее, чем старая...

Папа съел один бутерброд. Потом еще один. Потом тоже поднялся наверх, чтобы читать продолжение Муми-троллю, Снусмумрику и Сниффу.

Щель в дверях чуть расширилась, и маленький белый дымок влетел в комнату. Свернувшись в кольцо, он тарачил два белых мигающих глаза — из своего укрытия под кроватью я это видел совершенно отчетливо.

«Это и в самом деле привидение», — сказал я себе. (Во всяком случае, смотреть на него было не так страшно, как слушать скрип на лестнице.) В комнате стало холодно, как во всех рассказах о привидениях, из всех углов дуло, и привидение вдруг чихнуло.

Дорогие читатели, не знаю, как бы вы к этому чиху отнеслись, но я из-за чихания начал относиться к привидению с меньшим уважением; я выполз из-под кровати (между прочим, привидение уже и так заметило меня) и сказал, впрочем, очень вежливо:

— Будьте здоровы!

— Сам будь здоров, — сердито буркнуло привидение. — Призраки ущелий скулят, как бродячие псы, в такую мрачную злосчастную ночь!

— Не могу ли я вам чем-нибудь помочь? — спросил я.

— В такую злосчастную ночь, — угрюмо продолжало привидение, — скрипят забытые кости на морском берегу.

— Чьи кости?

— Забытые кости, — отвечало привидение. — Бледно-желтый ужас скалит зубы над заклятым островом. Берегитесь, смертные, я вернусь в пятницу, тринадцатого, сего месяца.

Тут привидение распрямилось и, бросив на меня утрашающий взгляд, улетело через полураскрытую дверь, но прежде ударилось макушкой о притолоку и крикнуло: «Ой! Гоп-ля-ля!» Потом скользнуло вниз по лестнице, вылетело на лунный свет и трижды

издало вой, будто гиена. Но все это уже не произвело на меня сильного впечатления.

Увидев, как привидение растворилось в вечерней мгле, я расхохотался. Теперь-то у меня есть сюрприз для колонистов! Теперь я могу совершить такое, на что никто не осмелится!

В пятницу, тринадцатого, незадолго до полуночи я повел колонистов на берег моря. Их ждал там приготовленный мной скромный ужин: суп, хрустящие хлебцы и апельсиновый сок (на всех перекрестках стояли бочки с соком, и каждый мог наливать себе сколько хочет). На фарфоровой посуде я нарисовал черным велосипедным лаком скрещенные кости.

— Ты мог бы взять у меня немножко красной краски, — сказал Шнырек, — или желтой и голубой. Извини, конечно, но так было бы веселее.

— Но я не собирался делать веселее, — сдержанно отвечал я. — Сегодня ночью вы увидите здесь такие страшные вещи, что и представить себе нельзя. Будьте готовы ко всему.

Юксаре сказал, глядя в тарелку:

— По вкусу напоминает уху. Какая это рыба? Плотва?

— Морковь, — отрезал я. — Ешь! Ты считаешь, что привидения — это что-то совсем обыкновенное?

— А... Так вот оно что. Ты будешь рассказывать истории про привидения?

— Я обожаю про привидения, — заохала Мюмла. — Мама по вечерам всегда рассказывает нам страшные истории и под конец сама так пугается, что мы полночи ее успокаиваем. А с моим дядей по материнской линии бывает еще хуже. Один раз...

— Я говорю совершенно серьезно, — перебил я ее сердито. — Рассказывать про привидения?.. Клянусь своим хвостом! Я покажу вам привидение! Настоящее! Интересно, что вы тогда скажете? — И я победоносно посмотрел на них.

Мюмла захлопала, а Шнырек со слезами на глазах прошептал:

— Миленький тролль, не надо!

— Ну ради тебя вызову очень маленькое привидение, — успокоил я его.

Юксаре перестал есть и уставился на меня с удивлением, я бы даже сказал, с восхищением! Я достиг цели: спас свою репутацию и

свой авторитет! Но, дорогие читатели, вы можете представить себе волнение, охватившее меня перед тем, как часы пробили двенадцать? Вернется ли привидение? Будет ли оно достаточно устрашающим? А вдруг начнет чихать, болтать всякую чепуху и испортит всю затею?

Типичная черта моего характера — любой ценой произвести впечатление на окружающих: вызвать восторг, сострадание, страх или любые другие сильные чувства. Возможно, это происходит оттого, что в детстве меня никто не понимал.

Когда полночь приблизилась, я вскарабкался на утес, поднял мордочку к луне и принялся делать магические жесты лапами и издавать такой вой, который должен был пронять всех до мозга костей. Иными словами — я вызывал привидение.

Колонисты сидели как зачарованные, лишь в ясных глазах Юксаре я увидел иронию и искорку недоверия. Я и сегодня чувствую глубокое удовлетворение от того, что произвел-таки впечатление на Юксаре. Привидение явилось! Оно и в самом деле было прозрачное, без тени, и тут же начало завывать о забытых костях и ужасах из ущелья.

Шнырек закричал от страха и спрятал голову в песок. Зато Мюмла сразу же подошла к привидению и протянула ему лапку:

— Привет! Как приятно увидеть настоящее привидение. Не хочешь ли отведать нашего супчика?

Никогда не знаешь, какой номер выкинут мюмлы!

Конечно, привидение оскорбилось. Оно растерялось, съежилось, сморщилось и исчезло, превратившись в печальное колечко дыма. Юксаре начал смеяться, и я почти уверен, что привидение слышало этот смех. В общем, ночь была испорчена.

Но колонистам пришлось дорого заплатить за свою непростительную бестактность. Последующую неделю просто трудно описать. Никто из нас не мог спать по ночам. Привидение нашло железную цепь и звякало ею до четырех утра. Кроме того, нас будил крик совы, вой гиены, шаркающие шаги и стук в двери, наша мебель начала прыгать по комнате и ломаться.

Колонисты были недовольны.

— Убери свое привидение, — потребовал Юксаре. — По ночам я хочу спать!

— Не могу, — серьезно пояснял я. — Если хоть раз вызовешь привидение, приходится его терпеть.

— Шнырек плачет, — упрекал меня Юксаре. — Привидение нарисовало череп на его банке из-под кофе и написало внизу: «ЯД».

— Какое ребячество, — ответил я.

— И Фредриксон рассердился. Твое привидение накалякало всякие угрозы на «Морском оркестре» и ворует у него стальные пружинки!

— В таком случае, — согласился я, — нужно и в самом деле принимать какие-то меры! И немедленно!

Я быстренько сочинил обращение и повесил его на двери навигационной каюты. Оно гласило:

«Уважаемое привидение!

По ряду причин в следующую пятницу перед заходом солнца состоится собрание привидений. Все жалобы принимаются во внимание.

Королевская Вольная колония

Примечание. Просим никаких цепей с собой не брать».

Я долго колебался, как подписать: «Королевская колония» или «Вольная колония». В конце концов решил написать и то и другое. Это придавало обращению определенную солидность.

Ответное письмо, написанное красной краской на пергаменте (пергамент был сделан из старого дождевика Фредриксона), оказалось прибитым к двери хлебным ножом Мюмлы-мамы.

«Роковой час настал,

— писало мое милое привидение. —

В пятницу, ровно в полночь, в этом пустынном краю раздастся одинокий вой собаки Смерти! Вы, тщеславные слизняки, заройтесь носами в землю, которая загудит от тяжелых шагов Невидимки, ибо ваша Судьба начертана

кровью на стене Гробницы! Если захочу, все равно прихвачу с собой железную цепь.

Привидение по прозвищу Страшило».

— Ясно, — сказал Юксаре, — похоже, ему очень нравится слово «судьба».

— Ты вот что — не смейся на этот раз, — сказал я строго. — Так-то оно и бывает, когда ни к чему на свете не испытываешь истинного уважения!

Посоветовавшись, мы послали Шнырька пригласить Фредриксона на свидание с привидением. Конечно, я и сам мог бы пойти, но я помнил слова Фредриксона: «Я не могу показать тебе это, пока оно не будет готово. Ты пришел слишком рано. Мне немножко некогда». Он сказал это, как всегда, вежливо, но каким-то ужасно чужим голосом.

Привидение явилось только в двенадцать и известило о своем приходе, издав трижды протяжный вой.

— Я здесь! — заявило оно. — Трепещите, смертные, час отмщения забытых костей настал!

— Привет! Привет! — сказал Юксаре. — Что ты все воешь о каких-то старых костях? Чьи это кости? Почему ты само с ними не разберешься?

Я пнул Юксаре по лодыжке и вежливо сказал:

— Приветствую тебя, призрак ущелий! Как поживаешь? Бледно-желтый ужас, оскалив зубы, глядит на заклятый берег.

— Перестань меня передразнивать! — разозлилось привидение. — Эти слова позволено говорить одному мне!

— Послушай-ка, — сказал Фредриксон, — не мешайка спать по ночам. Пугай кого-нибудь другого, ладно?

— Да все другие уже привыкли ко мне, — угрюмо ответило привидение. — Даже дронт Эдвард больше не боится.

— А я боюсь! — крикнул Шнырек. — Я все еще боюсь!

— Очень любезно с твоей стороны! — сказала привидение и поспешно добавило: — Зброшенный караван скелетов воеет под ледяным желто-зеленым светом луны!

— Дорогое привидение, — ласково сказал Фредриксон, — по моему, у тебя нервы немного того — не в порядке. Давай

договоримся: ты обещаешь пугать кого-нибудь в другом месте, а я научу тебя, как можно пугать по-другому. Идет?

— Фредриксон здорово придумывает всякие штуки! — воскликнула Мюмла. — Ты даже не представляешь себе, что можно сделать из фосфора и тонкой жести! Можно до смерти напугать дронта Эдварда!

— И Самодержца, — добавил я.

Привидение заколебалось.

— Можешь, например, занять свою собственную (туманную) сирену, — намекнул Фредриксон. — А ты, случайно, не знаешь, как делают фокус с просмоленными нитками?

— Нет. А как это? — заинтересовалось привидение.

— Берешь обыкновенные нитки, — пояснил Фредриксон. — Привязываешь их к чьим-нибудь ногам, потом прячешься и натираешь нитки смолой... Дьявольски страшно...

— На мой дьявольский глаз, ты ужасно симпатичный! — воскликнуло привидение и, свернувшись клубочком, улеглось у ног Фредриксона. — Может, ты и скелет раздобудешь? Говоришь — из тонкой жести? У меня тонкая есть...

До рассвета Фредриксон объяснял про пугание и чертил разные пугательные конструкции на песке. Ему явно нравилось это детское занятие.

Утром Фредриксон отправился на работу в парк Сюрпризов, а привидение мы избрали в члены Королевской Вольной колонии с присвоением почетного титула «Страх на острове Ужасов».

— Послушай-ка, привидение, — сказал я. — Хочешь жить у меня в доме? Мне что-то скучно одному. Ясное дело, я вовсе не трус, но иногда по ночам бывает страшновато...

— Клянусь адскими собаками, — начало привидение и стало едва видимым от злости. Но сразу же успокоилось и сказала: — Да, пожалуй, это очень любезно с твоей стороны.

Я устроил привидению постель в ящичке из-под сахара, а чтобы ему было уютнее, выкрасил ящик в черный цвет и украсил бордюриком из скрепленных костей. На обеденной миске я (к большому удовольствию Шнырька) написал: «ЯД».

— Ужасно уютно, — зауhalо привидение. — Ничего, если я погремлю немножко ровно в полночь? У меня это уже как бы вошло в

привычку.

— Пожалуйста, греми, — ответил я, — только не дольше пяти минут, и не сломай трамвайчик. Он очень ценный.

— Ну ладно, пять минут, — согласилось привидение. — Но за ночь летнего солнцестояния я не отвечаю.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ,

в которой я описываю триумф преображенного «Морского оркестра» и богатое приключениями погружение в морскую глубину

Вот и миновал день летнего солнцестояния (между прочим, в этот день родилась младшая дочь Мюмлымамы — Мю. Ее имя значит: самая маленькая на свете). Цветы распустились, созрели яблоки, поспели и были ведены другие вкусные фрукты, и я, не зная, как это случилось, сделался домовитым домоседом. Дело зашло так далеко, что я даже посадил бархатцы на командирском мостике навигационной каюты и начал играть со Шнырьком и Самодержцем в пуговицы.

Ничего необыкновенного не происходило. Мое привидение сидело в углу возле кафельной печки и вязало шарф и чулки — весьма полезное занятие для привидения, у которого плохо с нервами. Вначале ему в самом деле удавалось напугать подданных короля, но потом привидение заметило, что подданным нравится, когда их пугают, и перестало этим заниматься.

А Мюмла выдумывала небылицы одна увлекательней другой. Один раз пустила слух, что дронт Эдвард нечаянно растоптал Самодержца! Я, к сожалению, привык всему верить и очень обижаюсь, узнав, что меня обманули и что надо мной насмеваются.

Иногда к нам на отмель приходил дронт Эдвард и ругался по старой привычке. Юксаре отвечал ему тем же. А вообще-то Юксаре был ужасным бездельником: ел да спал, загорал, хихикал вместе с Мюмлой-мамой да лазил по деревьям. Сначала он перелезал и через каменные стены, но когда узнал, что это не запрещается, перестал. Тем не менее он уверял, будто чувствует себя здесь отлично.

Иногда я видел, как мимо проплывают хатифнатты, и после этого целый день ходил грустный.

И еще. Я стал ужасно беспокойный, мне вдруг до смерти надоела благополучная и однообразная жизнь и захотелось, так сказать,

отчалить отсюда.

Наконец такая возможность представилась.

У двери навигационной каюты появился Фредриксон, на голове у него была новенькая капитанская фуражка с двумя позолоченными крылышками!

Я бросился опретью вниз по лестнице.

— Привет, Фредриксон! — закричал я. — Ты заставил его летать?!

Он положительно замахал ушами.

— Ты рассказал об этом кому-нибудь? — спросил я. Сердце у меня сильно колотилось.

Он отрицательно покачал головой.

И в ту же секунду я снова превратился в искателя приключений. Я чувствовал себя большим, сильным и красивым! Ведь Фредриксон мне первому рассказал, что изобретение готово! Даже Самодержец еще не знал об этом.

— Скорее! Скорее! — закричал я. — Давайте укладывать вещи! Я раздам свои бархатцы. Подарю свой дом! Ах, Фредриксон, меня просто распирает от всяких идей и ожиданий!

— Это хорошо, — сказал Фредриксон. — Но сначала будет торжественное открытие и экспериментальный полет. Мы же не можем допустить, чтобы король лишился праздника.

Экспериментальный полет должен был начаться в тот же день. Преображенный речной пароход, накрытый красной тканью, стоял на помосте перед тронном Самодержца.

— Черное покрывало было бы куда уместнее, — заметило привидение и принялось вязать с таким остервенением, что нитки аж закрипели. — Или кисея, серая, как полуночный туман. Ну знаете, цвет ужаса.

— Надо же такое болтнуть! — сказала Мюмла-мама, которая пришла на открытие, прихватив с собой всех своих детей. — Здравствуй, дорогая дочка! Ты уже познакомилась со своими самыми младшими братцами и сестричкой?

— Милая мамочка, значит, у меня опять появились новенькие родственники? — вздохнула Мюмла. — Скажи им, что их старшая сестра — принцесса Королевской Вольной колонии — полетит вокруг Луны на летающем речном пароходе.

Братцы шаркнули лапками, а сестричка поклонилась и уставилась на нее.

Фредриксон залез под покрывало, чтобы проверить, все ли в порядке.

— Что-то застряло в выхлопной трубе, — пробормотал он. — Юксаре! Поднимись на борт и пусти в ход большую щетку!

Через минуту большая щетка заработала, и из выхлопной трубы полилась какая-то каша и брызнула Фредриксону в глаза.

— Что за ерунда! — оторопел он. — Овсяная каша!

Деточки Мюмлы-мамы закричали от радости...

— Извините, — сказал, чуть не плача, Шнырек. — Я не выбрасывал остатки завтрака в выхлопную трубу!

— В чем дело? — недовольно спросил Самодержец. — Можем Мы начинать Нашу торжественную речь или вы еще не готовы?

— Да это все моя малютка Мю! — восторженно пояснила Мюмла-мама. — Такое необыкновенное дитя! Вылить кашу в выхлопную трубу! Надо же такое придумать!

— Успокойтесь, мадам, — довольно холодно сказал Фредриксон.

— Так Мы можем начинать или нет? — ерепенился король.

— Начинайте, Ваше величество, — ответил я.

Громко запищала туманная сирена, потом приблизился Добровольный оркестр хемулей, и Самодержец под ликующие крики собравшихся уселся на трон. Когда все замолчали, он сказал:

— Наш бестолковый старый народ! Сейчас подходящий случай сказать вам несколько глубокомысленных слов. Взгляните на Фредриксона, Нашего Придворного Изобретателя. Он приготовил Нам самый большой сюрприз: нечто для передвижения по земле, по воде и по воздуху. Задумайтесь! Вот вы нюхаете табак в своих норах, что-то грызете, в чем-то роетесь, хлопчете не по делу и болтаете чепуху. А ведь Мы по-прежнему ожидаем от вас больших дел. Наши злосчастные, невезучие возлюбленные подданные! Постарайтесь придать немного блеска и славы Нашим холмам, а если это вам не под силу, то прокричите, по крайней мере, «ура!» герою дня!

Грянуло дружное «ура!» — да так, что земля задрожала.

Хемули заиграли Королевский праздничный вальс, и, осыпанный дождем из роз и японских жемчужин, вперед вышел Фредриксон и дернул за шнур. Какое мгновение! Покрывало медленно сползло с

парохода. Перед нами была незнакомая, странная крылатая металлическая машина! Мне стало ужасно грустно. Но тут я увидел нечто такое, что примирило меня с этим преобразованием: на пароходе ярко-синей краской было выведено прежнее название — «Морской оркестр»!

Добровольный оркестр хемулей грянул гимн Самодержцу, ну вы же его знаете, с припевом: «Теперь-то все вы удивились, ха-ха-ха!» Мюмла-мама растрогалась до слез.

Фредриксон надвинул фуражку на уши и поднялся на борт в сопровождении Королевской Вольной колонии (дождь из роз и японских жемчужин продолжался), и оот же к пароходу кинулись дети Мюмлы-мамы.

— Извините! — вдруг закричал Шнырек и спрыгнул вниз со сходней. — Я не решаюсь! Подняться в воздух? Меня снова укачает!

Он нырнул в толпу и исчез.

В то же мгновение машина вздрогнула и зарычала. Дверцы плотно захлопнулись, и «Морской оркестр» нерешительно заерзал на помосте. Затем он так сильно качнулся, что я упал навзничь.

Когда я робко глянул в окно, то увидел внизу верхушки деревьев парка Сюрпризов.

— Он летит! Летит! — закричал Юксаре.

Я не нахожу слов, чтобы передать удивительное чувство, охватившее меня, когда мы воспарили над землей. Внезапно я ощутил себя легким и элегантным, как ласточка, все заботы покинули меня, я был быстр, как молния, и непобедим. Прежде всего мне доставляло несказанное удовольствие смотреть вниз на тех, кто остался на земле и с испугом или восхищением пялился на меня. Это был прекрасный, но, к сожалению, короткий миг.

«Морской оркестр», описав мягкую дугу и нацепив усы из белой морской пены, заскользил по воде у самого берега острова Самодержца.

— Фредриксон! — закричал я. — Давай еще полетаем!

Он поглядел на меня невидящим взглядом, глаза у него были очень голубые, и весь он светился каким-то тайным торжеством. «Морской оркестр» погружался прямо в море! Пароход наполнился зеленым прозрачным светом, а за окнами иллюминаторов поплыли, кружась, стаи пузырьков.

— Сейчас мы погибнем, — сказала малышка Мю.

Я прижал нос к стеклу. «Морской оркестр» зажег еще гирлянду лампочек на передней части судна. Они освещали темноту морской пучины слабым дрожащим светом.

Мне стало немного жутко. Вокруг ничего, кроме зеленого мрака. Мы плыли в вечной ночи и полной пустоте. Фредриксон выключил мотор, и «Морской оркестр» бесшумно заскользил вниз, опускаясь все ниже и ниже. Все молчали. Откровенно говоря, мы такого не ожидали.

Только у Фредриксона уши от радости стояли торчком. На нем была новенькая капитанская фуражка, украшенная двумя маленькими серебряными плавниками.

В этой невыносимой тишине я постепенно стал различать странный шепот — с каждой секундой он становился все отчетливее и громче. Казалось, тысячи испуганных голосов на все лады повторяли одни и те же слова: «Морская собака, морская собака, морская собака...»

Дорогие читатели, попробуйте произнести много раз «морская собака» — предостерегающе и очень медленно, — вам наверняка станет страшно!

Теперь мы уже смогли различить множество маленьких теней, выплывавших из темноты. Это оказались рыбы и морские змеи, и у каждой на голове был фонарик.

— Почему же они не зажигают фонарики? — удивилась Мюлмама.

— Может, батарейки сели, — предположила Мюмла. — Мама, а кто такая морская собака?

Рыбы подплывали к «Морскому оркестру», с большим любопытством осматривали его и явно что-то хотели нам сказать.

— Дело плохо, — сказал Юксаре. — У меня скверное предчувствие! Я нюхом чую, что они почему-то боятся зажечь лампочки. Подумать только, не смеют зажигать лампочки, которые сами же несут на голове!

— Может, морская собака запретила, — прошептала Мюмла, сама не своя от любопытства. — У меня была тетка по материнской линии, которая ужасно боялась зажигать свой примус, а когда наконец решилась, все взлетело на воздух вместе с ней!

— Сейчас мы сгорим, — сказала малышка Мю.

Рыбы подплывали все ближе. Они прямо прилипали к «Морскому оркестру» и тарасились на наши лампочки.

— Они хотят сообщить нам что-то важное, — догадался я.

Тогда Фредриксон включил свой беспроводный слуховой аппарат. Сначала послышалось шипенье, а потом раздался тысячеголосый жалобный вой:

— Морская собака! Она приближается, она все ближе и ближе... Погаси свет! Погаси скорее свет! Тебя съедят... Сколько ватт у тебя, бедняга кит?

— Да будет мрак, да будет мрак, — сказала одобрительно мое приведение. — Черная ночь окутывает кладбище своим черным покрывалом, а черные пустынные гавани...

— Тише... — шикнул на него Фредриксон. — Я что-то слышу...

Мы замерли. Откуда-то издалека доносилось слабое, как пульс, постукивание. Как будто кто-то приближался к нам большими пружинистыми толчками. В один миг все рыбы исчезли.

— Ой! Сейчас нас съедят, — пропищала малышка Мю.

— Я, пожалуй, уложу малышей, — решила Мюлмама. — Ну-ка быстро в постель!

Крошки послушно встали в круг и стали помогать друг дружке расстегивать пуговицы на спине.

— Посчитайте себя сами, — сказала мама. — Я сегодня что-то немножко не в форме.

— А ты нам считаешь? — закапризничали малыши.

— Ну ладно, — согласилась Мюлмама. — На чем это мы в прошлый раз остановились?

Дети затрубили в один голос:

— ...это кровавое... дело... одноглазого... Боба... промолвил... полицейский инспектор... Твиге... и... вытащил... трехдюймовый... гвоздь... из... уха... убитого... это... должно быть... случилось.

— Хорошо, хорошо, — сказала Мюлмама. — Только давайте побыстрее...

А странный шум становился все громче. «Морской оркестр» беспокойно качался, слуховой аппарат шипел, как кошка. Я почувствовал, что шерсть у меня на затылке встала дыбом, и закричал:

— Фредриксон! Погаси лампочки!

Но прежде чем свет погас, мы все-таки успели увидеть чудовище. Морская собака была ужасна и отвратительна, а может быть, это нам показалось именно потому, что мы только мельком взглянули на нее.

Фредриксон включил мотор, но он так сильно волновался, что не мог управлять судном. Вместо того чтобы подниматься, «Морской оркестр» стремительно пошел вниз.

На дне он пустил в ход свои гусеничные приспособления и пополз по песку. По нашим окнам скользили водоросли, будто что-то нащупывающие пальцы. Во мраке и тишине слышалось тяжелое дыхание собаки. Вот среди морской травы мелькнула серая тень. Ее желтые глаза испускали два световых луча. Словно прожекторы, они обшаривали борт нашего судна.

— Все под одеяло! — скомандовала Мюмла-мама своим деткам. — И не высовывайтесь до тех пор, пока я не разрешу!

В то же мгновение на корме послышался страшный хруст — морская собака принялась грызть руль.

Но тут огромная волна подняла и опрокинула «Морской оркестр» вверх тормашками. Водоросли полоскались по дну, как распущенные волосы, а вода бурлила. Нас швыряло из стороны в сторону. Дверцы шкафов распахнулись, оттуда вылетела посуда и все остальное: крупа, башмаки Мюмлиных малышей, вязальные спицы привидения, и, что самое неприятное, опрокинулась банка Юксаре с табаком. И все вещи в туче табака исполняли жуткий танец. Вдобавок из морского мрака послышался вой, от которого встали дыбом шерстинки на хвосте у каждого из нас.

Потом наступила тишина, леденящая кровь тишина.

— Мне больше нравится летать, — откровенно призналась Мюмла-мама, — а не нырять. Интересно, сколько детенышей у меня осталось? Посчитай-ка их, милая доченька!

Но едва Мюмла начала считать, как громовой голос проревел:

— Так вот вы где, морровы дети! Никак думали, что сумеете скрыться от меня на дне морском? От меня не спрячетесь! Не спрячетесь от того, кому вы всегда забываете сказать «до свидания»!

— Кто это? — воскликнула Мюмла-мама.

— Догадайся с трех раз! — засмеялся Юксаре.

Фредриксон включил свет, и тут дронг Эдвард, окунув голову в море, поглядел через иллюминатор на всю нашу компанию. Мы

старались держаться как ни в чем не бывало и вдруг увидели, что в воде плавают клочья шерсти, кусочки хвоста и усов и еще что-то. Это было все, что осталось от морской собаки! Дронт Эдвард раздавил ее, как яйцо.

— Эдвард! Дружище! — радостно закричал Фредриксон.

— Этого мы никогда не забудем, — заявил я. — Ты спас нас в самую последнюю минуту!

— Малыши, поцелуйте дядю! — воскликнула Мюмла-мама, растроганная до слез.

— О чем это вы говорите? — удивился дронт Эдвард. — Держите свою ребятню! Пострелята еще вздумают залезть мне в уши! Нет! Вы явно становитесь все хуже и хуже! Я все пятки себе оттоптал, пока разыскивал вас, а теперь вы хотите улизнуть от ответственности, да еще подхалимничаете!

— Ты растоптал морскую собаку! — крикнул Юксаре.

— Что ты говоришь! — удивился дронт Эдвард, подпрыгивая. — Опять я кого-то растоптал? Как раз сейчас, когда не на что устроить похороны... Но уж тут-то я ни при чем, честное слово! — И вдруг, разозлившись, закричал: — И, между прочим, как это вы позволяете своим собакам путаться у меня под ногами? Сами и виноваты!

И, глубоко оскорбленный, дронт Эдвард побрел от нас прямо по воде. Но сделав несколько шагов, все-таки оглянулся и сказал:

— Завтра утром приду к вам выпить кофейку. И чтобы он был крепкий!

И вдруг — еще один сюрприз — морское дно осветилось!

— Мы, что ли, горим? — спросила малышка Мю.

Но мы не горели! Это огромные стаи рыб плыли к нам, сверкая множеством огней: карманными фонариками, судовыми и штормовыми фонарями, обычными лампочками накаливания и карбидными лампами, а у некоторых рыб с каждого уха свисали еще и крошечные настенные светильники. Вся рыба компания была вне себя от радости и благодарности.

Море, совсем недавно такое мрачное, переливалось всеми цветами радуги. Ковры из морской травы стали голубыми, и на них ярко выделялись фиолетовые, красные и ярко-желтые анемоны, а морские змеи стояли от радости на голове.

Наше возвращение было триумфальным. «Морской оркестр» бороздил море вдоль и поперек — мимо наших иллюминаторов проплывали мириады морских звезд. Лишь с наступлением утра, вялые и сонные, мы повернули назад, к острову Самодержца.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ,

в которой я сообщаю обстоятельства свадьбы Шнырька, легкой лапой касаюсь своей драматической встречи с мамой Мумитролля и под конец глубокомысленно завершаю свои мемуары

В десяти милях от берега мы заметили лодку, которая подавала сигналы бедствия.

— Это наверняка Самодержец! — воскликнул я. — Неужто там произошла революция? В такую-то рань? (Это не похоже на его подданных.)

— Революция? — переспросят Фредриксон и прибавил скорость. — Ох, не случилось бы чего с моим племянником!

— Как дела? — крикнула Мюмла-мама, едва мы притормозили у королевской лодки.

— Дела? — крикнул в ответ Самодержец. — Я хочу сказать, дела идут совсем не так, как надо. Вы немедленно должны вернуться на сушу.

— Наконец-то забытые кости потребовали отмщения, — угрожающе пробурчало привидение.

— Это все ваш маленький Шнырек натворил, — сообщил, отдуваясь, король и вскарабкался на борт. — Эй, кто-нибудь, позаботьтесь о лодке! Мы собственной персоной изволили отправиться за вами, потому что вовсе не надеемся на Наших подданных.

— Но при чем здесь Шнырек? — удивился Юксаре.

— Да при том, — сказал король, — что Мы очень любим свадьбы, но пустить семь тысяч клипдассов и злую тетку Хемулихи на королевский праздник Мы не можем никак!

— А кто собирается жениться? — заинтересовалась Мюмла-мама.

— Мы ведь уже изволили сказать! Шнырек! — отвечал Самодержец.

— Невероятно, — не поверил Фредриксон.

— Да, да, да, женится прямо сейчас! — нервно утверждал Самодержец. — На зверюшке Сос. Да прибавьте же вы скорость! Они влюбились друг в друга с первого взгляда, обменялись пуговицами, носились вдвоем как угорелые, дурачились, а потом послали своей тетке (хотя я слышал, что ее уже съели) и семи тысячам клипдассам телеграмму с приглашением на свадьбу. И Мы готовы пролотить Нашу собственную корону, если они не изгрызут и не перероют все королевство!

— Что? Тетку Хемулихи пригласили на свадьбу? — спросил я, потрясенный.

— Что-то вроде этого, — мрачно отвечал Самодержец. — Какая-то тетка, у которой только половина носа, и к тому же презлющая. Мы любим сюрпризы, но предпочитаем устраивать их сами.

Берег приближался...

На самой оконечности мыса стоял Шнырек, а рядом с ним — зверюшка Сос. «Морской оркестр» причалил. Фредриксон швырнул канаты нескольким подданным, которые явно любовались нами.

— Ну-ну! — сказал он.

— Извините! — воскликнул Шнырек. — Но я женился!

— А я вышла замуж! — прошептала Сое и поклонилась.

— Но ведь Мы велели вам подождать до обеда, — расстроился Самодержец. — Теперь веселая свадьба не получится!

— Извините, но мы никак не могли ждать так долго, — сказал Шнырек. — Мы так влюблены друг в друга!

— Ах, дорогие мои! — Мюмла-мама, всхлипывая, бросилась вниз по сходням. — Поздравляю! До чего же она хорошенькая, эта зверюшка Сос! Поздравьте их, деточки, они поженились.

Но тут Снифф прервал чтение мемуаров Муми-папы. Он резко поднялся и сказал:

— Стоп!

— Папа читает нам про свою юность, — с упреком сказал Мумитроль.

— И про молодость моего папы, — подчеркнул Снифф с неожиданной важностью. — Я уже столько слышал про Шнырька, но ни слова про зверюшку Сос!

— Я забыл про нее, — пробормотал Муми-папа. — Она попала в мою книгу только теперь...

— Ты забыл про мою маменьку? — заорал Снифф.

Дверь отворилась, и в спальню заглянула Муми-мама.

— Вы не спите? — удивилась она. — Мне показалось, кто-то звал маму.

— Это я! — воскликнул Снифф и соскочил с кровати. — Подумать только! Твердят тебе все время про разных пап, пап, пап, а потом ты вдруг безо всякого предупреждения узнаешь, что у тебя и мама тоже есть!

— Так ведь это вполне естественно, — удивилась Муми-мама. — Насколько я понимаю, у тебя была прекрасная мама. А сколько у нее было пуговиц!

Снифф строго взглянул на Муми-мamu:

— Правда?

— У нее имелось множество пуговичных коллекций. — И еще камни, ракушки, бусинки, все что угодно! Снифф задумался.

— Если уж разговор зашел о мамах, — сказал Снусмумрик, — так что же было у Юксаре с этой круглой Мюмлой? Выходит, и у меня была мама?

— Конечно, — отвечал Муми-папа. — И к тому же очень славненькая.

— Тогда, значит, и малышка Мю моя родственница? — удивленно воскликнул Снусмумрик.

— Ну ясное дело, ясное дело! — заулыбался папа. — Только не прерывай меня. Ведь это мои мемуары, а не справочник о родственниках!

— Можно ему читать дальше? — спросил Муми-тролль.

— Пусть читает, — разрешили Снифф и Снусмумрик.

— Спасибо! — с облегчением сказал папа и продолжал поучительное чтение.

Шнырек и Сос получали подарки целый день. Под конец банка из-под кофе переполнилась. Тогда молодожены принялись складывать пуговицы, камешки, ракушки, обивочные гвоздики и прочее (все не берусь перечислить) в одну кучу.

Шнырек держал Сос за лапки и был сам не свой от счастья.

— Ужасно приятно быть женатым, — сказал он.

— Возможно, — ответил Фредриксон. — Однако, послушай-ка, разве обязательно надо приглашать тетку Хемулихи? И клипдассов?

— Извините, но ведь они огорчатся, если им не придется погулять на свадьбе, — объяснил Шнырек.

— Да, но пригласить тетку, тетку! — закричал я.

— Знаешь что, — откровенно признался Шнырек, — я не так уж сильно по ней соскучился! Но извини меня! Меня мучает совесть. Ведь это я пожелал, чтобы кто-нибудь был так любезен и съел бы ее!

— Гм, — заметил Фредриксон. — В этом что-то есть.

В ожидании прибытия пакетбота на холмах и на берегу столпились подданные Самодержца. Его величество сидел под балдахинном на троне, установленном на самом высоком холме, готовый подать знак Добровольному оркестру хемулей.

Шнырек и Сос сидели в свадебной лодке, сделанной в виде лебедя.

Все были очень взволнованны и обеспокоены, потому что весть о тетке Хемулихи и о ее нраве уже успела облететь всю страну. Кроме того, были серьезные основания бояться, что клипдассы погубят государство и объедят все деревья в парке Сюрпризов. Однако никто не сказал об этом ни слова новобрачным, которые безмятежно продолжали обмениваться пуговицами.

— Как ты думаешь, можно ее напугать и выгнать отсюда с помощью фосфора или просмоленных ниток? — спросило мое привидение, не прекращая вышивать черепа на грелке для чайника — подарке зверюшке Сос.

— Ее этим не проймешь, — мрачно сказал я.

— Она опять примется всех воспитывать, — предсказал Юксаре. — Она может даже запретить нам залечь в спячку, когда наступит зима, и заставит ходить на лыжах.

— А что значит ходить на лыжах? — спросила Мюмла.

— Передвигать ноги по замерзшим осадкам.

— Еще чего не хватало! Какой ужас!

— Видно, все мы скоро умрем, — сказала малышка Мю.

В этот момент в толпе пронесся боязливый шепот — пакетбот приближался.

Добровольный оркестр хемулей грянул гимн «Да живет наш бестолковый народец», и свадебный лебедь отчалил от берега. Несколько мюмлят от волнения плюхнулись в море, туманная сирена завывала, а Юксаре потерял самообладание и убежал.

А мы увидели, что пакетбот пуст, и только тут сообразили, что семь тысяч клипдассов вряд ли могли на нем уместиться. С берега неслись возгласы, выражавшие одновременно облегчение и разочарование. Один-единственный маленький клипдасс прыгнул на лебедя, который быстро развернулся и поплыл обратно к берегу.

— Так как же теперь быть? — спросил Самодержец. От нетерпения он не мог усидеть на троне и прибежал на берег. — Всего один маленький клипдасс?!

— Да это же наш старый знакомый! — воскликнул я. — И у него в лапках огромный пакет!

— Стало быть, ее все же съели, — сказал Фредриксон.

— Тихо! Тихо! Тихо! — крикнул король и покрутил ручку туманной сирены. — Дайте дорогу Клипдассу! Ведь он посол!

Толпа расступилась и дала дорогу новобрачным и Клипдассу, который застенчиво притрусил к нам и положил пакет на землю. Углы пакета были слегка обглоданы, но в целом он выглядел вполне прилично.

— Ну-ну-у? — спросил Самодержец.

— Тетка Хемулихи просила передать привет... — сказал Клипдасс и стал беспокойно шарить по карманам своего выходного костюмчика.

Все запрыгали от нетерпения.

— Да поторопись же ты, поторопись! — крикнул король.

Наконец Клипдасс достал скомканное письмо и с важным видом заявил:

— Тетка Хемулихи научила меня писать. Я знаю почти весь алфавит! Все буквы, кроме в, э, и, й! Она мне диктовала, а я писал. Вот что она говорит. — Клипдасс перевел дух и начал с трудом читать:

«Дороге дет! С огромным сожалением, с чустом угрызения соест несполненного долга пшу т строчк. Я нкак не могу прехать на ашу садьбу, но надеюсь, меня простте за тако отраттельны поступок. Поерьте, я польщена, рада, что ы обо мне скучаете, я пролла рек слез от досады, что малыш Шнырек решл женться. Не знаю, как ыразть благодарность за то, что ы спасл меня, не дал Морре меня съестть, за то, что

ы познакомл меня с очаровательным клпдассам. Должна прзнаться, что мне с клпдассам ужасно хорошо, даже садебны пр не может ыманть нас з дома. Мы целым дням граем осптательные гры, мечтаем о полезно для здороя зме с быстрым скольженем по снегу. Чтобы хоть немного обрадоать ас, посылаю садебны подарок, надеюсь, он украст кофеную банку Шнырька!

Шестьсот деяносто деять прето от клпдассо.

С благодарностью люблюю.

Тетка Хемулх».

На холмах все замерло.

— Что такое «отраттельный»? — спросил я.

— Ясное дело — отвратительный, — отвечал Клипдасс.

— А тебе нравятся воспитательные игры? — осторожно спросил Фредриксон.

— Ужасно нравятся! — сказал Клипдасс.

Я сел, слегка ошарашенный.

— Будь добр, разверни пакет! — крикнул Шнырек. Клипдасс торжественно перегрыз веревочку, и все увидели фотографию тетки Хемулихи в полный рост: тетка Хемулихи — королева клипдассов.

— А нос у нее вовсе не отъеден! — воскликнул Шнырек. — Как я счастлив! Вот здорово!

— Дорогой, взгляни на рамку, — сказала Сос.

Мы все взглянули и ахнули. Рамка была из настоящего испанского золота с розами из топазов и хризолитов по углам. А по внутреннему краю шла полоска из бриллиантов (обратная сторона была украшена простенькой бирюзой).

— Как ты думаешь, их можно отковырнуть? — поинтересовалась Сос.

— Конечно, можно! — восторженно крикнул Шнырек.

И как раз в эту минуту со стороны залива донесся громовой голос:

— Ну! Семьсот пещер в моей маленькой конуре! Я знай себе жду утреннего кофе, а ни один из вас и не думает удружить старому Эдварду!

Прошло уже несколько дней с тех пор, как Муми-папа рассказал о свадьбе Шнырька. Папа сидел с семьей на веранде. Был ветреный сентябрьский вечер. Муми-мама сварила кофе, приготовила бутерброды с джемом и по-праздничному украсила дом.

— Ну так что же?.. — с интересом спросила она.

— Сегодня я закончил писать мемуары, — сказал папа. — Заключение будет записано в сорок пять минут седьмого. Я имею в виду последнюю фразу. И вы сами решите, понравится ли вам она.

— А там ничего не будет сказано о том, как ты бродяжничал с хатифнаттами? — спросил Снусмумрик.

— Нет, — ответил папа. — Понимаешь, это должна быть поучительная книга.

— Потому-то и надо было об этом написать! — воскликнул Снифф.

— Ш-ш-ш... — погрозила ему коготком Муми-мама. — А я появлюсь в этой книге? — И при этом ужасно покраснела.

Папа сделал три больших плотка из своего большого стакана с соком и ответил:

— Слушай меня внимательно, сынок, ведь в последнем отрывке рассказывается о том, как я нашел твою маму.

Тут он открыл черную тетрадь и стал читать.

Наступила осень, и серые дожди надолго заволокли остров Самодержца густым туманом.

Я был твердо уверен в том, что наш блистательный эксперимент с «Морским оркестром» был только началом большого путешествия в огромный мир. Однако вышло иначе. Это приключение оказалось вершиной нашей жизни, самым замечательным событием, но без продолжения.

По возвращении домой, когда суматоха, связанная со свадьбой Шнырька, улеглась, Фредриксон начал совершенствовать свое изобретение. Одно изменял, другое пристраивал, прилаживал, шлифовал, чистил, красил, и под конец «Морской оркестр» стал походить на нарядную гостиную.

Иногда Фредриксон устраивал прогулки с Самодержцем или Королевской Вольной колонией, но к обеду всегда возвращался.

Я мечтал отправиться дальше, чахнул от тоски по большому миру, который ждал меня и никак не мог дождаться. А дождь лил

сильнее и сильнее, и все время находилась работа: то надо было чинить руль, электропроводку или канатный люк, то что-нибудь переделывать.

Пришло время штормов.

Дом Мюмлы-мамы сдуло ветром, а дочь ее, Мюмла, простудилась, оттого что спала на дворе. Дождь накапал и в кофейную банку Шнырька. У одного меня был нормальный дом с хорошей печкой. Что оставалось делать? Разумеется, все потерпевшие, измученные неудачники поселились у меня в доме. Теперь мы жили одной семьей и вели самую обыкновенную жизнь, а мне от этого становилось все скучнее и скучнее.

Не могу описать, как это скверно, когда твои друзья либо женятся, либо становятся королевскими изобретателями. Сегодня тыходишь в беспечную компанию любителей приключений, готовых отправиться в любой путь, как только наскучит оставаться на одном месте. Отправляйся, куда только захочешь, перед тобой карта всего мира... И вдруг... Путешествия перестают их интересовать! Им хочется жить в тепле! Они боятся дождя! Они начинают собирать вещи, которые некуда поместить! Они говорят только о разных пустяках... Ни на что серьезное они уже решиться не могут... Раньше они прилаживали парус, а теперь строгают полочки для фарфоровых безделушек. Ах, разве можно говорить об этом без слез!

Хуже всего было то, что домоседы заразили и меня своим оседлым настроением. Чем уютнее мне становилось сидеть с ними у камина, тем труднее было снова стать свободным и смелым, как морской орел. Вы понимаете меня, дорогие читатели? Я сидел взаперти, все помыслы мои были о свободе, а за окном бушевал шторм и лил дождь.

В тот особенно важный вечер, о котором я сейчас расскажу, погода была прескверная. Крыша дрожала и скрипела, порывы юго-западного ветра рвали на части идущий из трубы дым, дождь сильно стучал по крыше веранды (я переделал капитанский мостик в веранду, пристроив к ней узорчатые перила).

— Мама! Ты считаешь нам вслух? — попросили малыши Мюмлы-мамы, лежа в кроватках.

— Конечно, считаю, — отвечала Мюмла-мама, — на чем мы остановились?

— ...Полицейский... инспектор Твиге... медленно... подкрался... ближе! — отбарабанили малыши.

— Хорошо, — сказала им мама. — «Полицейский инспектор Твиге медленно подкрался ближе. Что это там блеснуло, дуло револьвера? Полный холодной решимости нанести карающий удар, он скользнул дальше, остановился и снова начал продвигаться вперед»...

Я рассеянно слушал Мюмлу-маму, ведь этот рассказ я знал почти наизусть.

— А мне эта история нравится, — сказало привидение, вышивая на черном фланелевом мешочке для гвоздей скрещенные белые кости и поглядывая на часы.

Шнырек сидел у самого камина и держал Сос за лапку. Юксаре раскладывал пасьянс. Фредриксон лежал на животе и рассматривал картинки в книге «Путешествие по океану». В доме было тепло и уютно. Чем дольше я глядел на все это, тем беспокойнее становилось у меня на душе. По лапкам забегали мурашки. Дребезжащие оконные стекла то и дело облизывала морская пена.

— А каково плыть по морю в такую ночь... — сказал я.

— Восемь баллов. Если не больше, — подхватил Фредриксон и продолжал разглядывать волны на картинках.

— Пойду-ка пляну, какая погода, — пробормотал я и выскользнул за дверь. С минуту я стоял неподвижно и прислушивался.

Грозный шум волн наполнял мрак, окружавший меня. Я приплюснулся, прижал уши к голове и пошел навстречу ветру. Шторм, рыча, тут же набросился на меня, и я зажмурил глаза, чтобы не видеть неопишимо страшных сил, вырвавшихся на свободу осенней ночью. Лучше не думать о таких кошмарных вещах...

Впрочем, это был один из немногих случаев, когда я вовсе ни о чем не думал... Я знал лишь, что мне нужно спуститься к берегу, к ревушим волнам. Это было предчувствие. В жизни оно часто приводит к удивительным результатам.

Луна вышла из-за ночных туч, и в ее свете мокрый песок засиял, как металл. Волны с грохотом бились о берег, словно строй белых драконов, которые, выпустив когти, кидаются на препятствие, отступают со скрежетом назад, в темноту, и снова возвращаются.

Я и сейчас содрогаюсь от этих воспоминаний!

Что же заставило меня наперекор ночи и холоду (а для муми-тролля нет ничего хуже холода) блуждать в ту знаменательную ночь, в ту самую ночь, которая послала Муми-маму на наш остров? (Ах, игра свободного случая — что это за удивительная вещь!)

Уцепившись за дощечку, она плыла по волнам; ее то кидало, словно мяч, в залив, то уносило назад в море. Я ринулся на отмель и закричал изо всех сил:

— Я здесь!

Вот она появилась снова. Она выпустила доску из лапок, и ее несло на гребне волны прямо ко мне. Не моргая, смотрел я на приближающийся ко мне водяной вал. Через секунду потерпевшая была в моих объятиях, и мы беспомощно закружились в кипящем водовороте.

С неведомой мне ранее силой я крепко-накрепко уперся ногами в песчаное дно и выбрался на берег. Волны жадно хватили меня за хвост, а я упирался, боролся и наконец положил свою прекрасную ношу на берег, в безопасном, подальше от жестокого моря, месте. Ах, это было совсем не то, что спасти тетку Хемулихи! Ведь теперь это был муми-тролль, как и я сам, но еще красивее, чем я: маленький тролль женского рода, которого я спас!

Она села и запричитала:

— Где моя сумка? Спасите же мою сумку!

— Вы держите ее в своих лапках, — сказал я.

— Ах, так она при мне! — воскликнула она. — Какая радость...

Она тут же открыла ее и, порывшись, извлекла пудреницу.

— По-моему, морская вода испортила пудру, — огорченно сказала она.

— Не важно, вы и без нее прекрасны, — галантно заметил я.

Она взглянула на меня — о, это был неопиcуемый взгляд! — и сильно покраснела.

Позвольте мне остановиться на этом столь значительном рубеже моей бурной молодости, позвольте мне закончить свои мемуары на том, как Муми-мама — самая прекрасная из муми-троллий — вошла в мою жизнь! Она ласковым и понимающим взглядом посмотрела на все мои ребячества, и я стал вести себя здраво и разумно, и вместе с тем жизнь моя утратила очарование дикой свободы... Эта утрата, по-видимому, и засадила меня за мемуары.

Все, о чем я пишу, случилось ужасно давно, но теперь, когда я оживил в памяти эти события, мне кажется, что подобное могло бы произойти со мной снова, хотя уже на совершенно иной лад.

Я откладываю в сторону перо, которым писал свои мемуары, твердо уверенный в том, что прекрасная пора приключений наперекор всему не окончена — ведь это было бы довольно печально.

Пусть каждый достойный уважения муми-тролль задумается над моими переживаниями, моим мужеством, здравым смыслом, моими добродетелями, а возможно, и над моими глупостями (если он еще не принял решение набираться ума-разума на собственном опыте)...

На этом мемуары заканчиваются. Но за ними следует важный эпилог.

Переверните страницу!

ЭПИЛОГ

Муми-папа отложил перо и молча окинул взглядом свою семью.

— Молодец! — растроганно сказала Муми-мама.

— Молодец, папа, — подтвердил Муми-тролль. — Теперь ты стал знаменитым.

— Это почему же? — прямо-таки подскочил папа.

— Прочтут твои мемуары и решат, что ты знаменитый, — уверенно заявил Муми-тролль.

Писатель весело помахал ушами.

— Может статья!

— Ну а потом, — крикнул Снифф, — что было потом?

— Ах, потом... — Папа сделал неопределенный жест, подразумевавший дом, семью, сад, Муми-дол, вообще все, что идет следом за молодостью.

— Дорогие дети, — робко сказала Муми-мама, — потом н а ч а л о с ь э т о ...

Внезапно веранда задрожала от порыва ветра. Хлынул дождь.

— Каково-то плыть по морю в такую ночь, — пробормотал папа словно про себя.

— Ну а м о й папа как же? Юксаре? Что с ним случилось? И что было с мамой? — спросил Снусмумрик.

— А со Шнырьком? — крикнул Снифф. — Куда ты дел моего единственного папу? Уж я не говорю про его коллекцию пуговиц и про зверюшку Сос!

На веранде наступила тишина.

И тут, именно в самый важный для всей этой истории момент, в дверь постучали. Раздались три сильных, коротких стука.

Муми-папа вскочил.

— Кто там?

Кто-то басом ответят:

— Отвори! Ночь мокрая и холодная!

Муми-папа широко распахнул дверь.

— Ф р е д р и к с о н! — крикнул он.

И на веранду действительно вошел Фредриксон, стряхнул с себя капли дождя и сказал:

— Привет! Привет! Не сразу мы вас нашли.

— Ты ни капельки не постарел! — восторженно воскликнул Муми-папа. — Ах, как замечательно! Ах, какая радость!

Тут послышался глухой голос:

— В такую роковую ночь забытые кости стучат громче, чем когда-либо! — И из рюкзака Фредриксона, приветливо улыбаясь, выползло привидение собственной персоной.

— Добро пожаловать! — сказала Муми-мама. — Не хотите ли кофе?

— Спасибо, спасибо, — отвечал Фредриксон. — Чашечку мне и чашечку привидению. И еще несколько чашечек для тех, кто еще за дверью.

— А там еще кто-нибудь? — спросила Муми-мама.

— Родители пришли. Только они вроде как стесняются.

Снифф и Снусмумрик выбежали прямо под дождь, а там стояли их папы и мамы! Они мерзли, но ужасно стеснялись, оттого что так долго не давали о себе знать. Там стоял Шнырек и держал за лапку зверюшку Сос, а еще стояли большие чемоданы с коллекцией пуговиц. Тут же были Юксаре с погасшей трубкой во рту, и растроганная до слез Мюмла-мама, и Мюмла, и тридцать четыре малыша Мюмлы-мамы, и, конечно, малышка Мю (которая нисколько не подросла). И когда они все вместе поднялись на веранду, стало так тесно, что стены ее выгнулись наружу.

Эту ночь невозможно описать!

Такого количества вопросов, восклицаний, объятий, объяснений и чашек кофе еще не видела ни одна веранда, а когда папа и мама Сниффа начали раскладывать пуговицы по сортам и тут же подарили сыну половину коллекции, поднялась такая суматоха, что Мюмла-мама собрала своих детей и стала прятать их по шкафам.

— Тихо! — прикрикнул на них Фредриксон. — Завтра...

— Завтра... — повторил Муми-папа с юношеским блеском в глазах.

— Завтра мы снова отправляемся на поиски *П р и к л ю ч е н и я!* — объявил Фредриксон. — Мы улетаем на «Морском оркестре»! Все вместе. Мамы, папы и дети!

— Не завтра, а уже сегодня! — уточнил Муми-тролль.

И туманной предрассветной ранью вся компания высыпала в сад. На востоке небо уже чуть посветлело в ожидании восхода солнца, а оно уже было готово вот-вот взойти. Ночь кончалась, и все очень хотело начаться сначала.

Распахнулись новые ворота в *Н е в е р о я т н о е* и *В о з м о ж н о е*. Начался Новый День, когда все может случиться, если ты не имеешь ничего против этого.

---

notes

Примечания

1

Если вы теперь всерьез приступите к чтению моих мемуаров, я предложил бы, чтобы вы снова все начали с самого начала.

Маленький зверек, который шныряет, то есть: необыкновенно торопливо и легкомысленно снует туда-сюда, опрокидывая и теряя по пути все, что можно. (Прим автора.)

3

В Скандинавии гороховый суп едят по четвергам.

4

Водяное растение с очень длинным стеблем и небольшими овальными или узкими листиками.